

Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ АЛТАЯ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ (по материалам кургана № 10 могильника Берел)

В статье рассматриваются некоторые результаты исследования материалов кургана № 10 могильника Берел, касающиеся конского снаряжения и убранства. Подробно описываются отдельные элементы убранства лошадей из кургана, предлагается реконструкция снаряжения каждого животного. Дается общая характеристика погребального и предметного комплекса. Выявляется новый образ каждого коня, полученный в результате совершения цикла погребально-поминальных обрядов, система расположения элементов убранства.

Ключевые слова: звериный стиль, конское снаряжение, пазырыкская культура, курган, образы животных, система расположения, первичная реконструкция, Берел.

В работе анализируются элементы конского снаряжения, декорированные анималистическими изображениями, выполненными в традициях скифо-сибирского звериного стиля. За основу взяты материалы кургана № 10 могильника Берел. В статье приводится попытка рассмотрения ритуального снаряжения коней как источника по реконструкции отдельных аспектов системы мировоззрения населения Казахского Алтая IV-III вв. до н.э.

Могильник Берел находится в Катонкарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (рис.1). Он расположен в высокогорной долине, на третьей надпойменной террасе р.Бухтарма, в 7 км юго-западнее одноименного села, на абсолютной высоте 1100 м (рис.2). Здесь долина реки Бухтарма ограничена горными реками Ак Берел, Буланты (Сохатушка), впадающими в нее. С восточной и западной сторон она замкнута горами, склоны которых покрыты смешанным лесом и луговыми травами.

Памятник образован четырьмя параллельными цепочками курганов различной величины, вытянутыми в направлении СЗ-ЮВ и группами отдельных погребально-поминальных сооружений (рис.2). В период с 1865 по 2008 гг. на Береле изучено 27 объектов, из них 21 комплекс исследован в 1998-2008 гг.

Отметим, что курганы могильника Берел подвергались сильному ограблению как в

древности, так и в более позднее время, но в них наименее всего пострадали те конструктивные элементы погребального комплекса, где находились захоронения коней.

Курган № 10 является третьим по величине объектом могильника. Его параметры: 32 x 25 м, высота 2 м. Конструкция наземного сооружения аналогична ранее исследованным на памятнике: в основе его лежит платформа из крупных плит, уложенных “чешуей”, с напуском друг на друга, с наклоном к периферии кургана. Погребение человека было совершено на глубине 3,35 м, в двухвенцовом срубе, за северо-западной продольной стенкой которого находилось захоронение из 10 коней [Некоторые итоги работ, 2006]. Сруб и захоронение коней сверху сплошь были перекрыты берестяными полотнищами, уложенными в несколько слоев (8-10) (рис.3).

Кони были уложены в три ряда, в пространстве между срубом и стеной могильной ямы. Первый ряд состоял из четырех лошадей, второй и третий – из трех. Для обозначения животных была принята индексация на основе латинского алфавита; поскольку расчистка сопроводительного захоронения коней была начата с коней третьего ряда, то лошади, завершающие композицию данного конструктивного элемента внутримогильного погребального комплекса маркированы литерами: А, В, С (рис.4). Все последующие костяки животных получили, соответственно, обозначения: D, E, F, G, H, I, K (рис.4).

Рис. 1. Могильник Берел в системе памятников Алтая.
Fig. 1. The burial ground “Berel” in the system of Altai.

Отметим, что головы передних четырех животных покоились на ребрах вертикально установленных массивных каменных плит (рис.4). Для сравнения кратко остановимся на характеристике этого момента в материалах других курганов могильника Берел. Так, в кургане № 11 головы коней находились в вертикальном положении за счет того, что животных укладывали таким образом, чтобы они плотно упирались в стену могильной ямы. В кургане № 36 голова коня находилась на некотором возвышении по сравнению с уровнем, занимаемым туловищем. В кургане № 31, где погребение человека сопровождалось двумя лошадьми, первый конь был уложен по тому же принципу, что и в кургане № 11, а под голову второго коня, была подставлена мощная каменная плита. Заметим также, что когда сопроводительный комплекс состоит из 3 и более животных, то головы последующих животных, обычно покоятся на крупах передних. Если обратить внимание на позу животных, то они, в основном, уложены с подогнутыми под брюхо ногами.

Вернемся к кургану № 10. Сохранившийся сопроводительный вещевой комплекс,

состоящий из элементов костюма и конского убранства, одного предмета вооружения, посуды, изготовленный из дерева, войлока, глины, косвенно свидетельствует о том, что в погребальной камере на протяжении длительного времени сохранялась низкая температура, способствующая консервации на многие столетия отдельных фрагментов обряда. При проведении геокриологических исследований на кургане № 10 в 1999 г., датчики показывали температуру равную – 0,1° С [Горбунов, Самашев, Северский, 2005, с.89].

Ниже приведем описание предметов в соответствии с выделенными категориями.

Элементы костюма и предмет вооружения. Данная категория предметов представлена серией разрозненных находок из заполнения грабительского лаза и частично была обнаружена в положении *in situ*, в срубке, у колоды, в пределах изголовья. Исследуемые предметы – это составляющие элементы костюма в виде блях, пуговиц, навершия (?) головного убора и фрагмента гривны (?), а также предмета вооружения в виде плети, выполненные из дерева в технике художественной резьбы (рис.5, 1-8).

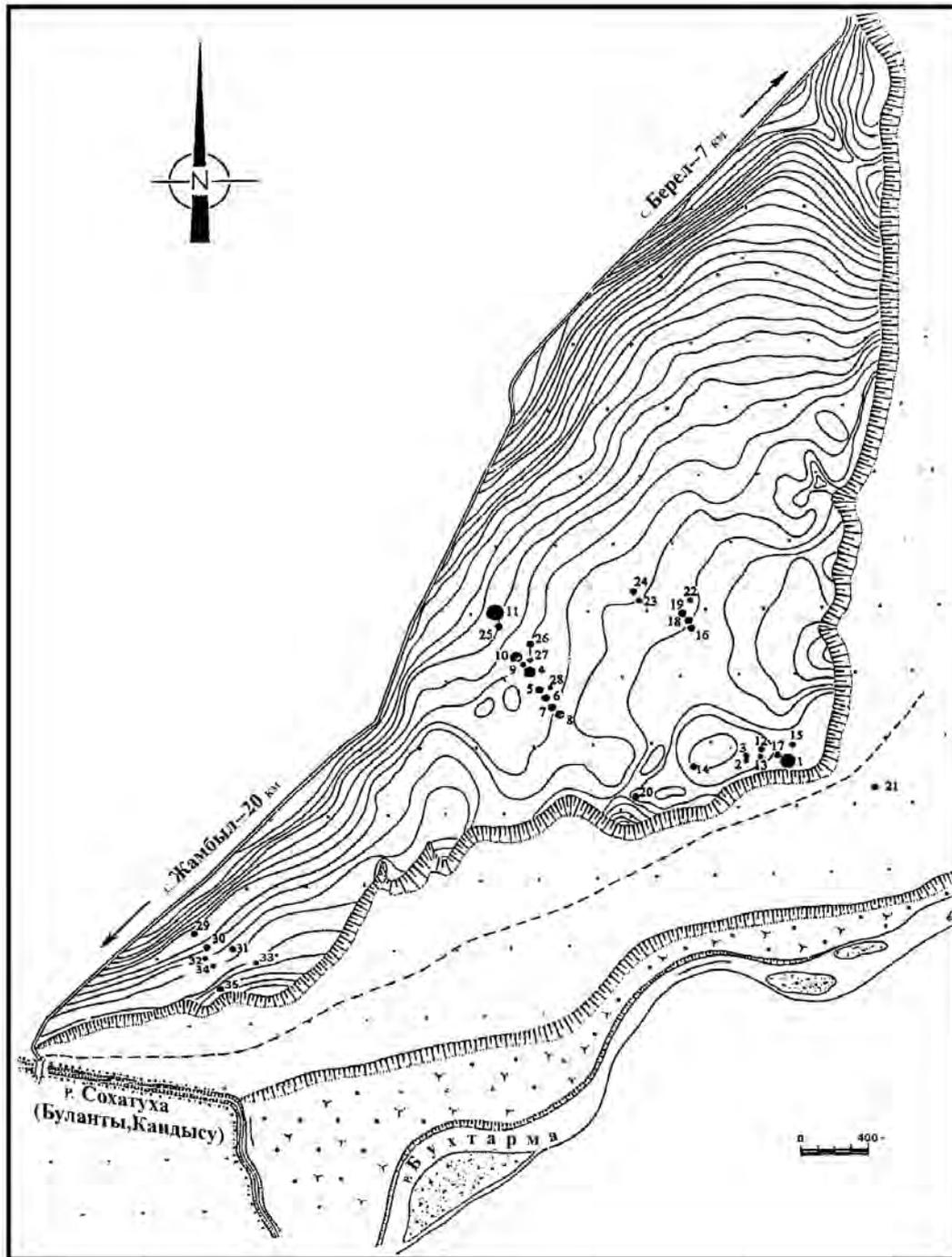

Рис. 2. План могильника Берел.
Fig. 2. The plan of the burial ground "Berel".

Бляха в виде изображения травоядного выполнена в комбинированной технике (рис.5, 4). Зверь изображен стоящим на кончиках копыт, со слегка согнутыми передними ногами и приоткрытой пастью, обращен в профиль влево, голова направлена вперед.

Глаза миндалевидные с высоким веком и выпуклыми зрачками, оконтурены невысоким валиком. Ноздри обозначены парой миниатюрных округлых углублений. Уголок пасти оконтурен рельефной скобочкой. От основания шеи вверх к горлу тянется "гривка", про-

работанная в невысоком рельефе, фактура прядей которой обозначена сходящимися на острие углубленными наклонными бороздками. На макушке сохранилось два “пенька”-паза от вставных рогов, декорированных “жемчужинами”. На голове, с двух сторон, выполнены округлые углубления, очевидно предназначенные, для вставных ушей. Ноги сохранились лишь передние, на них врезками обозначены анатомические особенности голеней; каплевидными выступами трактованы скакательные суставы; углубленными бороздками показаны копыта. Скульптурная часть изделия соединена с низкорельефной при помощи шпенька. На лопатке и крупе помещены изображения голов горных баранов, направленных в противоположные стороны. Животное на лопатке показано с сомкнутой пастью, обращено вперед и вниз, его голова лаконично вписана в контур левого бедра. У зверя круглый, рельефно выделенный глаз со слезницей и выпуклым зрачком. От глаза вверх, к холке, тянется рог с шестью годовыми кольцами, фактура которых передана орнаментом, состоящим из ряда наплывающих друг на друга полукружий. Ухо длинное, листовидное, с углублением посередине, показано плотно прилегающим внешней стороной к внутреннему краю рога. Контур рта выделен едва заметным аккуратным проработанным валиком. Зверь, помещенный на крупе, изображен несколько иначе: характерный рог круто закручен, ухо округлое, с углублением в средней части. На роге обозначено 7 годичных колец. Необычная трактовка образа позволяет наблюдать некое отступление мастером от существующих канонов в изображении, объясняемое манерой исполнения ряда содержательных элементов. Например, в трактовке головы – лоб не выделен, показан схематично – это одновременно и лоб и глаз. Подобная трактовка фактуры рогов обычна для изображений горных баранов. В данном конкретном случае обращает на себя внимание манера передачи рога, показанного не закручивающимся в кольцо, а в виде “воротничка”.

Навершие головного убора выполнено в виде скульптурного изображения горного барана (рис.5, б). Высокохудожественно выполненная фигурка изображает стоящее, с

сомкнутой пастью животное. Глаза миндалевидные, нос тупо срезан, двумя округлыми углублениями обозначены ноздри. Пасть оконтурена едва заметным валиком. Ухо овальное, с углублением посередине. Ото лба вверх, спиралевидно закручиваясь к морде, тянется рог, на нем полукружьями, выполненными в невысоком рельефе, при помощи плавных углубленных бороздок показано пять годовых колец. Короткий хвост показан прижатым. Копыта и скакательные суставы едва намечены.

Пуговицы (2 экз.) в виде изображений горных баранов (рис.5, 3, 5). Удивительным образом древнему мастеру в пространство небольших круглых пуговиц удалось вписать целые изображения горных баранов с вывернутым на 180° крупом. Животные показаны с приоткрытыми пастьями, с подогнутыми под брюхо передними ногами, задние же, описывая круг, нависают над головой. Приведем описание одного изображения. У зверя миндалевидный глаз с круглым выпуклым зрачком и со слезницей; овальное, с углублением посередине, ухо. Ото лба вверх, спиралевидно закручиваясь и частично перекрывая морду, тянется мощный, с 9 годовыми кольцами рог. Полусферы годовых колец, выполненные углублено, напоминают гнезда для вставки камней, постепенно уменьшаются к окончанию. Для обозначения лопатки и крупа использованы различные геометрические фигуры: треугольник с вогнутыми сторонами, точка и треугольник (лопатка); точка и полуподковка (круп). Выделены копыта.

Плакетка с изображением оленя (рис.5, 8). В пространство миниатюрной подпрямоугольной нашивной бляхи мастерски вписано целое изображение оленя с вывернутым на 180° крупом. Животное показано в профиль, влево, с согнутыми в суставах передними ногами (правая – плотно прижата к шее и упирается вниз, левая – копытом примыкает к брюху). Направленный вверх корпус оленя перекручен так, что круп зверя изображен касающимся холки, задние же конечности (четко показана одна) находятся над головой. Тщательно проработан контур изящной головы, увенчанной массивным, ветвистым рогом с пятью отростками. Передние два от-

Рис. 3. Могильник Берел, курган № 10. Сруб и захоронение коней, перекрытые берестяными полотнищами.

Fig. 3. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10. Log constructions and the burial place of the horses, blocked birchbark panels.

ростка отделены от основной ветви рога, как бы нависают над пастью, параллельно ей, направлены вперед с загнутыми кверху и назад кончиками. Остальные три отростка направлены вверх и назад, слегка соприкасаясь друг

с другом. Глаз миндалевидный с высоким веком, слезницей и круглым выпуклым зрачком, выделенным углубленной линией. Сомкнутая пасть оконтурена невысоким валиком. Ноздря обозначена едва заметной округлой выпукло-

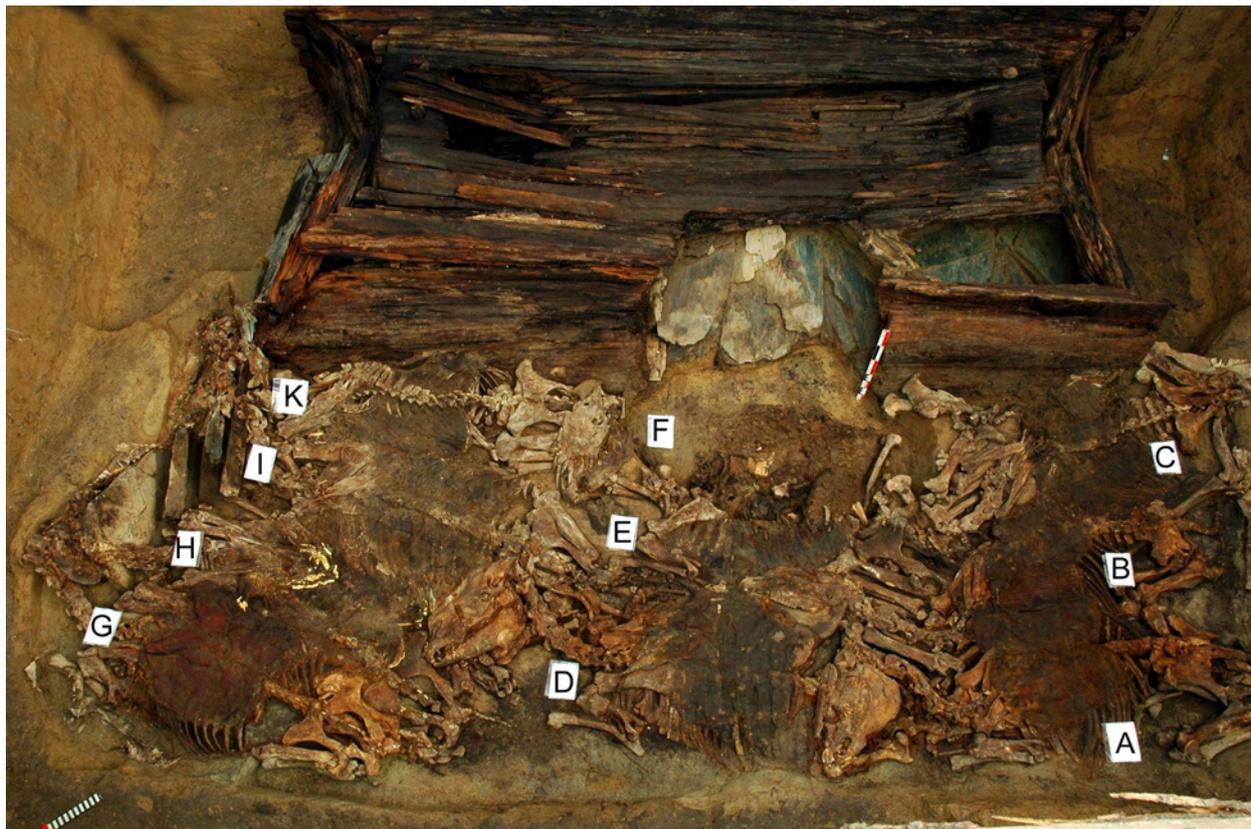

Рис. 4. Могильник Берел, курган № 10. Сруб и захоронение коней после снятия бересты. Система расположения сопогребенных с человеком животных.

Fig. 4. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10. Log construction and the burial place of horses after birchbark removal. Arrangement system of burying a person with animals.

стью. Ухо длинное, листовидное, направлено вверх, параллельно основанию рога, по одному краю нанесены насечки, имитирующие фактуру волосяного покрова. Лопатка и круп обозначены точкой и полуподковкой, выполненными в низком рельефе. На холке показан подтреугольный выступ, параллельно которому, на брюхе в той же манере, в какой трактованы лопатка и круп, присутствует изображение треугольника. На конечностях углубленными линиями обозначены копыта, скакательные суставы трактованы в виде двух округлых и одного подтреугольного уступов. Нижняя и левая стороны планки ограничены бордюром. Сверху изделие плакировано желтой фольгой. На тыльной стороне планки, вдоль длинных сторон, выполнено два выступа, в верхней и нижней частях которых фиксируется по одному сквозному отверстию. На выступе отвер-

стие выполнено дважды, по-видимому, из-за неудачной первой попытки.

Плеть с зооморфным декором. Окончание рукояти плети декорировано тремя изображениями, одно из них представлено головой кошачьего хищника, два других – фантастическими существами (рис.5,1-2). Предмет изготовлен с использованием комбинированной техники, содержит элементы низкорельефного и скульптурного изображения. Кошачий показан несколько объемно, в фас, выполнен в той же изобразительной традиции, характерной для изображений на подвесных бляхах со щитками в материалах кургана № 11. Глаза посажены несколько под углом, они миндалевидные с выпуклыми зрачками, проработанными углубленными линиями. Рельефно выступающий длинный нос подпрямоугольный с прямосрезанным кончи-

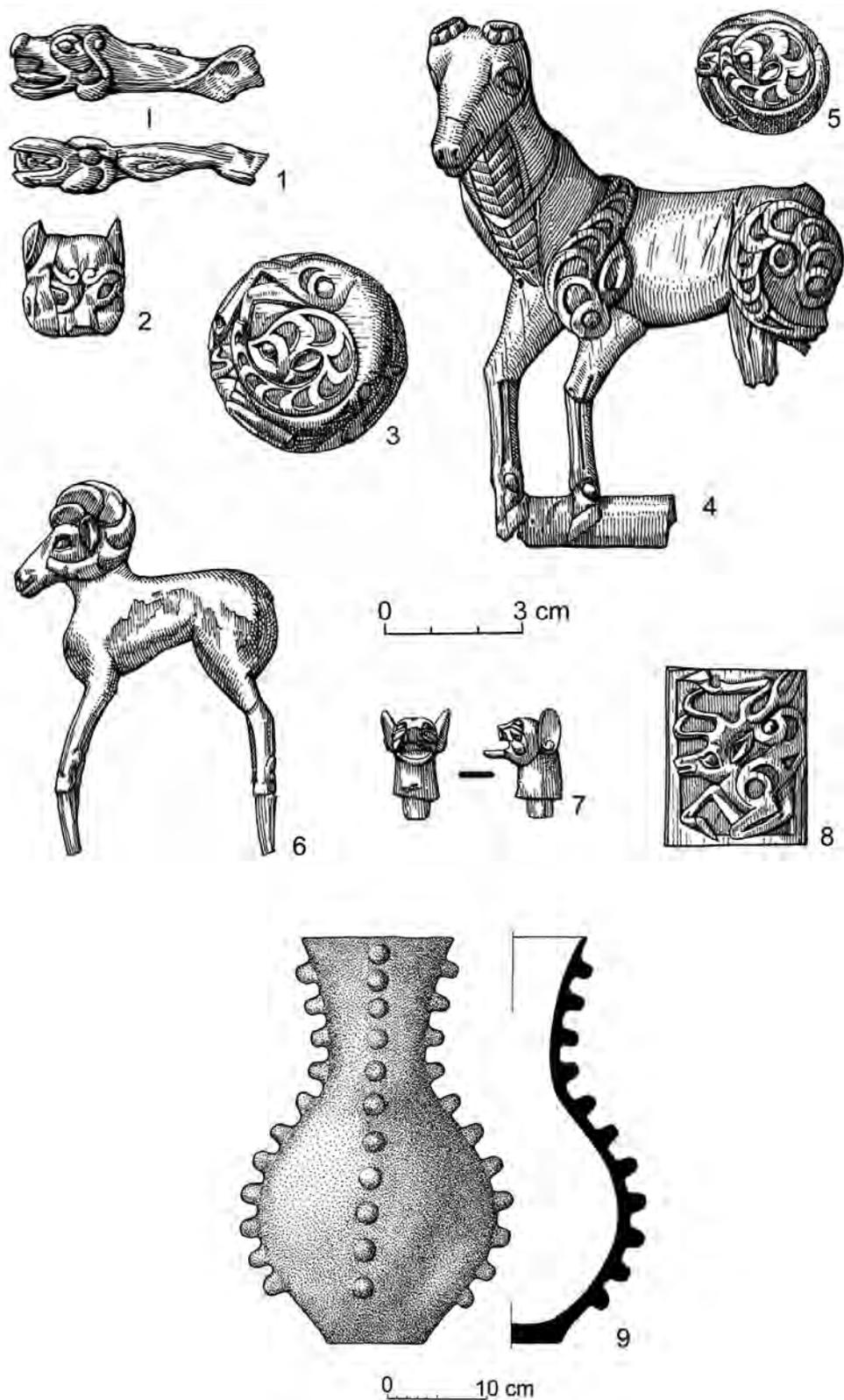

Рис. 5. Могильник Берел, курган № 10. Находки: 1-8 – предметы из категории элементов костюма и вооружения, 9 – керамический сосуд.

Fig. 5. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10: 1-8 – subjects from a category of elements of a suit and arms, 9 – a ceramic vessel are found.

ком. Короткие, ложечковидные уши выделены объемно, изображены плотно прижатыми к голове. Вдоль линии глаз проработаны широкие, видимо, очень густые брови, на переносице они изображены сходящимися в виде завитков. На противоположном окончании плети изображено два (?), видимо, сдвоенных, синкретических существа, показанных в профиль. Миниатюрная голова одного из животных передана в хищном, алчном оскале. В пасти обнажены плотно сжатые зубы. Глаз округлый со слезницей. Лоб высокий, рельефно выделен. Щека трактована двумя выпуклостями, обозначенными углубленными бороздками. Длинное, листовидное ухо изображено плотно примыкающим к шее. Фактура его волосяного покрова передана при помощи насечек, нанесенных по одному краю. Второе изображение представлено существом со слегка приоткрытой пастью, у него мясистые губы, обозначенные двумя рельефно выступающими валиками. Глаз миндалевидный, со слезницей и круглым выпуклым зрачком, показан как бы вложенным в каплевидную выпуклость. От шеи вверх проработана рельефно выступающая S-видная фигура, которая тянется к макушке, оконтуривая внешний край глаза, плавно огибая полулунную выпуклость щеки, завершается завитком с окончанием в виде шарика. Кончик носа обозначен округлым выступом. Приоткрытая беззубая пасть напоминает гримасу так называемых “улыбающихся” кошачьих хищников, выделенных Л.Н. Ермоленко как предмет специального исследования [Ермоленко, 2008, с.142-144]. Так, объемная рукоять плети оказалась декорированной двумя барельефными изображениями синкретических существ, возможно, при слиянии этих фантастических животных получается “двуликий” скульптурный образ, насыщенный признаками полиморфных персонажей, что в свою очередь усиливают качества искомого зверя ирреального происхождения. В качестве предположения можно допустить, что манера исполнения двойственного персонажа, возможно, являет собой схему создания образа, получившего определение “обобщенный образ хищника” [Ермоленко, 2008, с.146; Переводчикова, 1994, с.45].

Фрагмент элемента костюма в виде скульптурной головы кошачьего хищника, предположительно происходящего от гривны (?) (рис.5, 7). Зверь показан в хищном оскале. У него небольшая голова на широкой шее, лоб покатый. Глаза каплевидные с выпуклыми зрачками, проработанными углубленными бороздками. Щеки выделены объемно, двумя каплевидными фигурами, направленными к пасти. Уши ложечковидные с завитком в основании, показаны торчащими вверх. В основании шеи выполнен шпенёк, видимо, служивший для крепления скульптурно выполненной детали к основе, которая, к сожалению, не сохранилась.

Посуда, выявленная в погребении, представлена двумя сосудами деревянным блюдом и керамическим кувшином. Глиняный сосуд имеет традиционную форму, но среди материалов могильника Берел отличается необычным декором, состоящим из четырех, крестовидно расположенных, вертикальных рядов из 11 сосцевидных налепов (рис.5, 9).

Конское снаряжение. Конструктивные элементы ритуального убранства верховых коней обычно представляют собой систему из ремней оголовья, включающих узду, а также нагрудных, подхвостных, седельных (подпружных) и, непосредственно, седла.

При описании элементов конского снаряжения в основу классификации положены размеры и форма изделий, а также способ их крепления. Термином “бляхи” обозначены крупные украшения, которые различными способами крепятся на ремни конской сбруи. Соответственно топографии они определяются как “налобная”, “нагрудная” и т.д. К подвесным бляхам отнесены предметы, имеющие сквозные отверстия, выполненные в торцах планок под углом и выходящие на тыльную сторону. Тонкие прямоугольные или фигурные планки со сквозными отверстиями на концах трактованы термином “нашивки”. Изделия со сквозными отверстиями, проходящими через всю длину предмета, обозначены термином “пронизь”.

Подвесные бляхи, имитирующие **кабаны клыки**, выявлены в наборах коней “А”, “В” и “С”, изготовлены из дерева, представляют собой предметы с широким основани-

ем и сужающимся окончанием (рис.6, 7). В верхней части выполнены сквозные круглые отверстия-проколы для крепления. Техника изготовления – круглая скульптура. Отметим, что изделия наподобие клыка и кабаньего, в том числе, могут быть полисемантическими – иметь значение когтя или клюва.

Подвесная бляха в виде птицы с опущенными вниз крыльями представляет собой предмет, выполненный в комбинированной технике, объёмная часть которого не сохранилась (рис.7, 4). Бляха происходит из набора коня “В”. Имеет определенное сходство с изображением из кургана № 11, но главное отличие – в подаче крыльев. Здесь они изображены опущенными вниз, а на предметах из кургана № 11 подняты вверх. Кроме того, несколько отлична манера изображения хвоста. Фактура оперения передана при помощи ряда углубленных, прочерченных, слегка изогнутых линий. Несколько по-иному трактовано оперение шеи и верхней части туловища – рельефно выделено и напоминает своеобразный воротничок, с приостренными концами; поверхность гладкая. Скульптурно выполненная голова со шпеньком, к сожалению несохранившаяся, видимо, крепилась при помощи отверстия в основании.

Налобная круглая бляха с округлой выпуклостью в центре присутствует в наборах коней “D” и “Г” (рис.6, 1). Подобные детали конского снаряжения были широко распространены в круге синхронных памятников на сопредельных территориях. Аналогичные экземпляры содержатся в материалах берельского кургана № 11.

Подвесная бляха в виде планки, декорированной изображениями, имитирующими жгут, происходит из набора коня “D” (рис.6, 4). Присутствуют изображения с различными вариантами решений, напоминающие узел/плетение.

Начельник из набора коня “Е” представляет собой скульптурно выполненный деревянный чехольчик со сквозными отверстиями, расположенными в расширяющейся книзу части и сверху (рис.6, 6). Вся поверхность сплошь покрыта поперечными углубленными линиями, которые как бы слегка набегают друг на друга. Видимо, такой декор изделия

выбран далеко не случайно. Переданная подобным образом фактура начальника позволяет высказать предположение, что перед нами, скорее всего, жесткий гребень, обычно присущий существам синкретического происхождения. Всего в коллекции берельских находок присутствует два экземпляра начальников, но, в отличие от своего “предшественника”, выявленного в кургане № 11, описываемый предмет имеет декор.

Подвесная бляха в виде фигурок рыб, выполненных в условной стилистической манере (конь “Е”) (рис.7, 3). Животные показаны в фас, обращены головами к планке. На рыбах обозначены хвостовые плавники, фактура которых передана при помощи слегка изогнутых углубленных бороздок, ритмично выполненных одна под одной так, что толщина постепенно уменьшается, создавая впечатление характерного, раздваивающегося, слегка изгибающегося плавника. На тулове при помощи углубленной линии проработана каплевидная фигура, направленная острием к хвосту и широкой частью к голове, соответственно. В коллекции, в зависимости от композиции убранства, имеются изделия, содержащие по 2 и 3 фигурки рыб на одной планке.

Планка подпрямоугольная в плане, с выпуклой внешней и плоской тыльной сторонами. Выполненные в торцах сквозные отверстия выходят на тыльной стороне в прямоугольный в плане и подтреугольный в сечении желобок.

Подвесная бляха в виде изображения голов травоядных показанных в профиль и обращенных в противоположные стороны (конь “F”?) (рис.7, 2). Животные горбоносые мордами упираются в планку. Пространство между травоядными, образованное плотно сомкнутыми головами, – замкнутое, что вместе с другими элементами придает изображению ажурность и легкость. Звери изображены с сомкнутыми пальцами, контур мягких губ обозначен округлыми, слегка выступающими валиками. Глаза круглые, выделены рельефно, с круглыми выпуклыми зрачками, обозначены углубленными линиями, трактованы по-разному, в одном случае слезница выделена, в другом – нет. Ото лба вверх возвышает-

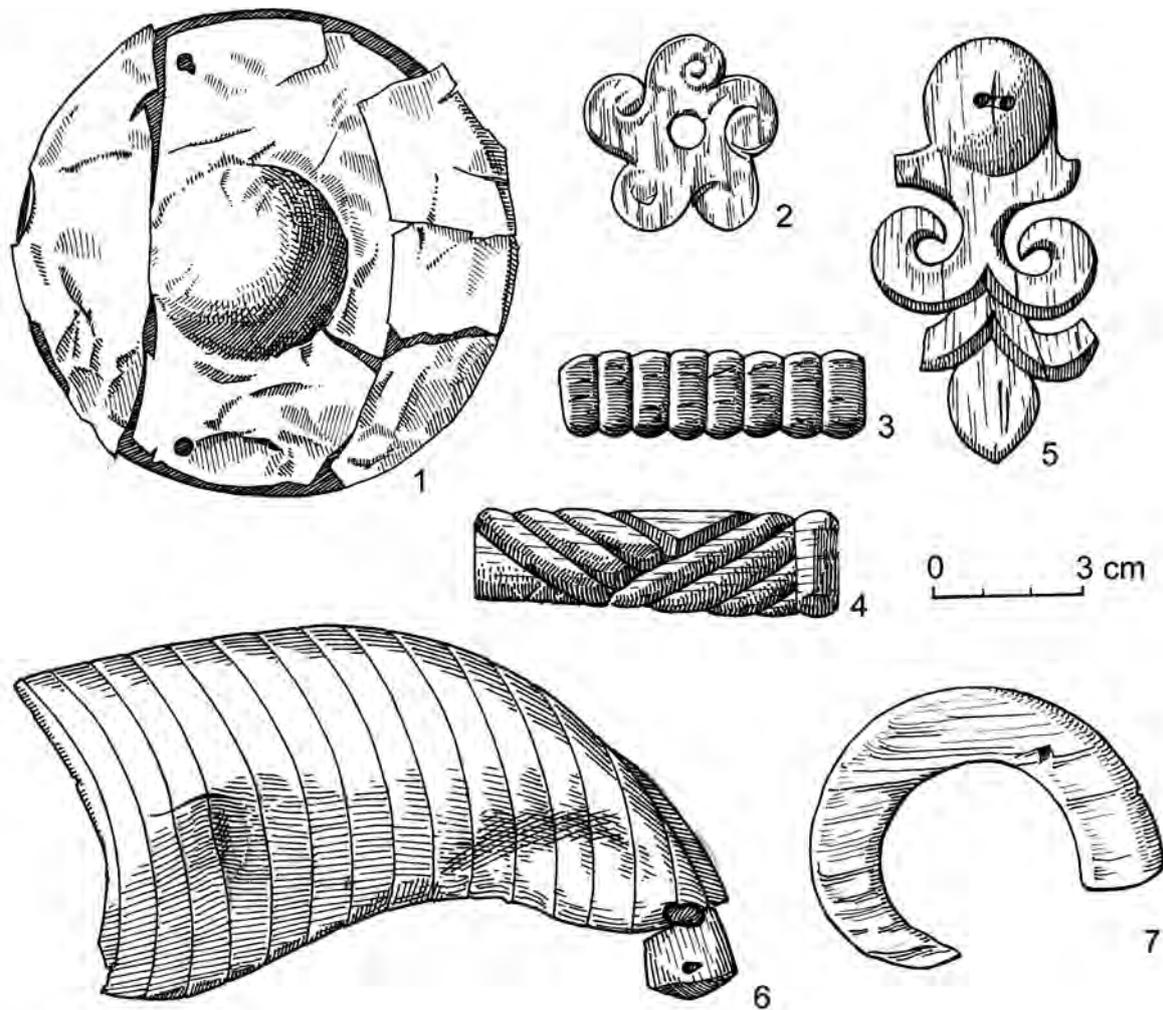

Рис. 6. Могильник Берел, курган № 10. Элементы конского снаряжения.
Fig. 6. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10. Elements of caparison.

ся рог с проработанными двумя отростками, передний направлен вверх и вперед, второй – вверх и назад. На каждом отростке углублением обозначено по одной каплевидной фигуре, направленной острием к основанию. Пенёк рога декорирован рядом “жемчужин”. Ноздри трактованы по-разному, имеются изображения, на которых они всего лишь намечены в виде округлого углубления, вместе с тем встречается иной, тщательно проработанный вариант подачи данного содержательного элемента в виде округлого углубления, оконтуренного рельефным, аккуратным валиком. Уши листовидные с углублением в срединной части, направлены вверх и слегка отогнуты назад. Планка подпрямоугольная в плане, с выпуклой внешней и плоской тыльной сто-

ронами. Выполненные в торцах сквозные отверстия выходят на тыльной стороне в каплевидные в плане и подтреугольные в сечении врезки, расположенные на противоположных концах планки.

Бляха в виде изображения орлиного грифона (кони “Г”, “Н”) (рис.8, 3-4). В технике изготовления предмета совмещены приёмы низкого рельефа и скульптурного изображения, а также материал: дерево и кожа – из чего была выполнена двумерная часть изделия. К сожалению, имеющиеся в коллекции бляхи представлены не полностью, истлевшая кожаная часть не поддается восстановлению. Лишь, благодаря тому, что туловище покрывалось жёлтой фольгой, становится возможным представить целостный образ

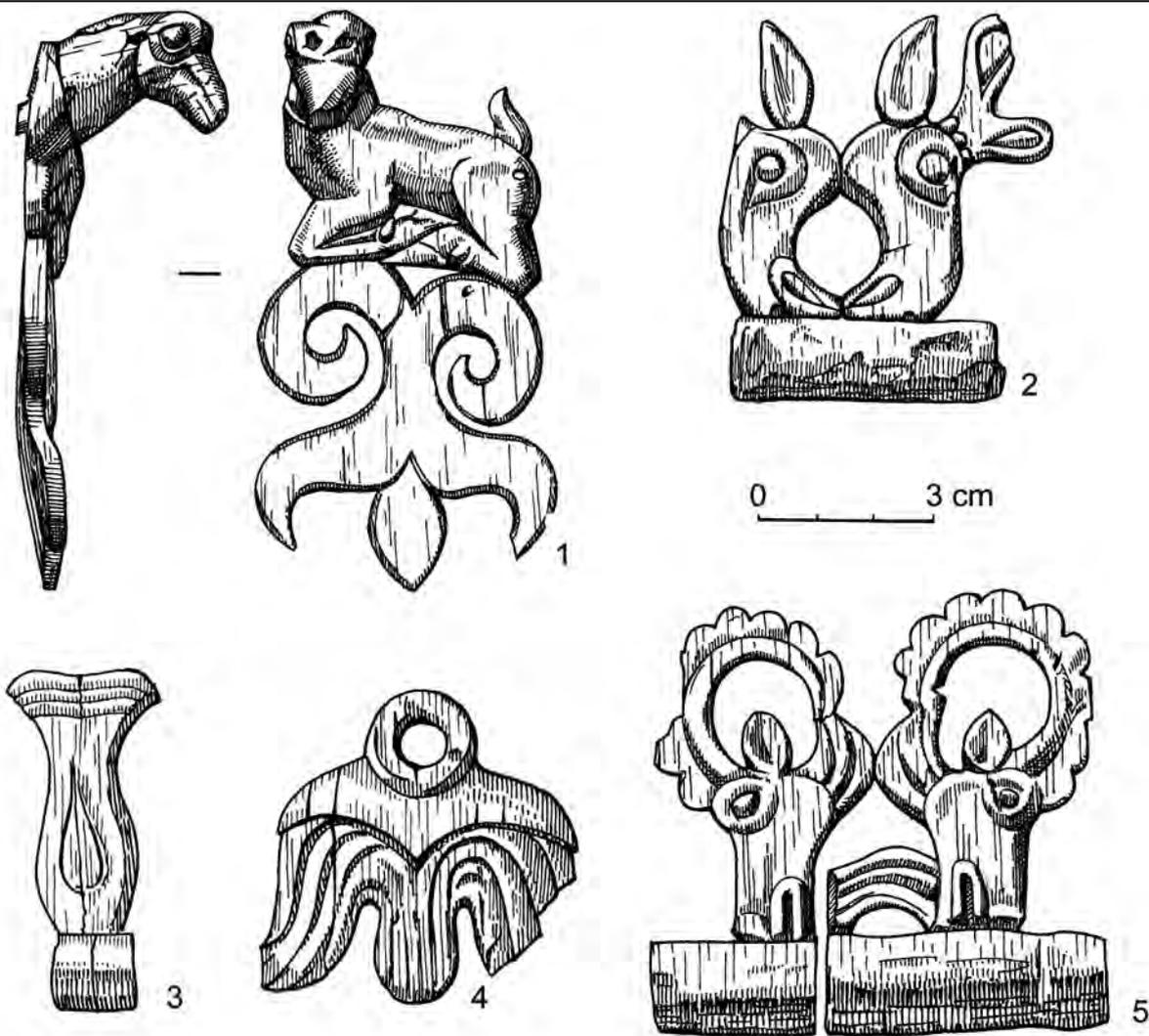

Рис. 7. Могильник Берел, курган № 10. Элементы конского снаряжения, декорированные образами реально существующих животных.

Fig. 7. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10. The elements of caparison are decorated in the images of real-life animals.

синкретического животного. Миниатюрная голова – на мощной шее, изготовлена в виде скульптурного изображения, в основании выполнен шпенёк для крепления к низкорельфной части. У существа мощный, сомкнутый и хищно загнутый вниз клюв. Ротовая щель показана в виде дуговидного сквозного отверстия. Глаза каплевидные, выделены углубленной бороздкой, зрачок круглый – выпуклый, слезница плавно переходит в линию восковицы с прямым основанием. Линия лба также постепенно переходит в восковицу. На голове возвышается хохолок, трактованный в виде

стилизованной трёхлепестковой пальметты. В целом, манера исполнения хохолка технологически близка созданию геральдических композиций с центральным доминирующим элементом, каким является центральный “лепесток” с двумя симметрично расположенными боковыми деталями. Каждый лепесток композиции, видимо, обозначает фактуру хохолка, состоящего из трех прядей. Щека изображена традиционно – выпуклостью, в данном случае в виде удлиненной, рельефно выступающей каплевидной фигуры. Интересно трактованы настороженные, торчащие вверх

и в стороны большие, скульптурно выполненные, уши, показанные уплощенными с внешней и объемными – с тыльной сторон. Уши удлиненных пропорций, расширяющиеся и уплощающиеся в верхней части, завершаются плавными округлыми очертаниями, либо имеют ровный прямой край. От хохолка вниз спускается скульптурно выделенный гребень с ровным краем. Фактура оперения гребня показана дуговидными бороздками, образующими 5 плавно наплывающих друг на друга прядей, лаконично передающих его упругость и жесткость. Контурное изображение туловища орлиного грифона вырезано из желтой фольги, выполнено в условной стилистической манере, передает позу синкретического существа, показанного с расправленными крыльями и веерообразно распущенным хвостом. Обращает на себя внимание довольно необычная трактовка крыльев, кончики которых “колечковидно” завершаются. Своеобразная ажурность изображения, достигаемая за счет прорезей, придает ему воздушность и легкость. Торчащие хохолок, гребень, уши, взгляд вкупе с особенностями трактовки дуговидной щели клюва, расправленных крыльев и распущенного хвоста в целом, видимо, создают образ настороженного, готового к молниеносной реакции фантастического персонажа.

Бляха-нашивка в виде круглой “пуговицы” со щитком, декорированным стилизованным растительным орнаментом (конь “G”) (рис.6, 5). Верхняя часть предмета выполнена в виде округлой выпуклости, в центральной части которой расположена пара сквозных круглых отверстий для крепления, соединённых в верхней части небольшим углублением. От неё вниз тянется щиток. Декор щитка образован из двух пар “побегов”, обращённых вниз и расположенных друг под другом; из основания второй пары лепестков вырастает ромбовидный лепесток, напоминающий бутон, который в целом уравнивает всю композицию предмета. Окончания лепестков завершаются завитками. Линии центрального стебля плавно огибают основание округлой части бляхи, разветвляясь в противоположные стороны, завершаются двумя слегка изогнутыми выступами.

Бляха-накладка – конструктивный элемент седла в виде пятилучевой розетки (конь “G”) (рис.6, 2). Лучи расположены последовательно друг за другом, завершаются завитками, в целом образуя вихревую композицию.

Подвесная бляха, декорированная рядом “жемчужин”/“рубчиков” (конь “H”) (рис.6, 3). Имеются предметы, где изображено по 6, 8, 16 таких содержательных элементов.

Подвесная бляха с изображением композиции из стилизованных зооморфных элементов на планке с признаками фитоморфизма (конь “T”) (рис.8, 2). Декор предмета представляет собой два развернутых в противоположные стороны по принципу зеркальной симметрии побега/крыла. В верхней части между ними расположен еще один, с более коротким стеблем. Стебельки во всех трех случаях завершаются утолщениями в виде шариков, листья, венчающие их, симметрично раздвигаются, направлены в противоположные стороны. Имеющиеся аналогии описываемому изображению встречены в кургане № 1 могильника Туэкта [Руденко, 1960, табл. LXXXVII, 2].

Псалий S-видный с зооморфно декорированными окончаниями – изображения протом орлиноголовых грифонов с хохолками в виде трехлепестковой пальметты, переданных в профиль (конь “T”) (рис.8, 1). Асимметричность изделия наблюдается в различных параметрах окончаний: одно – миниатюрное, тщательно проработанное, другое – удлиненных пропорций. У синкретического существа, изображение которого проработано наиболее четко, – миниатюрная голова. Глаз ближе к каплевидному, с выпуклым зрачком, с намеченной слезницей. На мощном, крючковидно загнутом сомкнутом клюве показана восковица с прямым основанием. Ротовая щель – в виде дуговидного углубления. Щека выделена традиционной каплевидной выпуклостью, обращенной “острием” к клюву. Голова увенчана извивающимся хохолком, его фактура трактована тремя загибающимися кверху прядями, обозначенными углубленными бороздками. В целом, хохолок проработан художественно и представляет собой пример геральдической композиции, с центральным доминирующим элементом и двумя други-

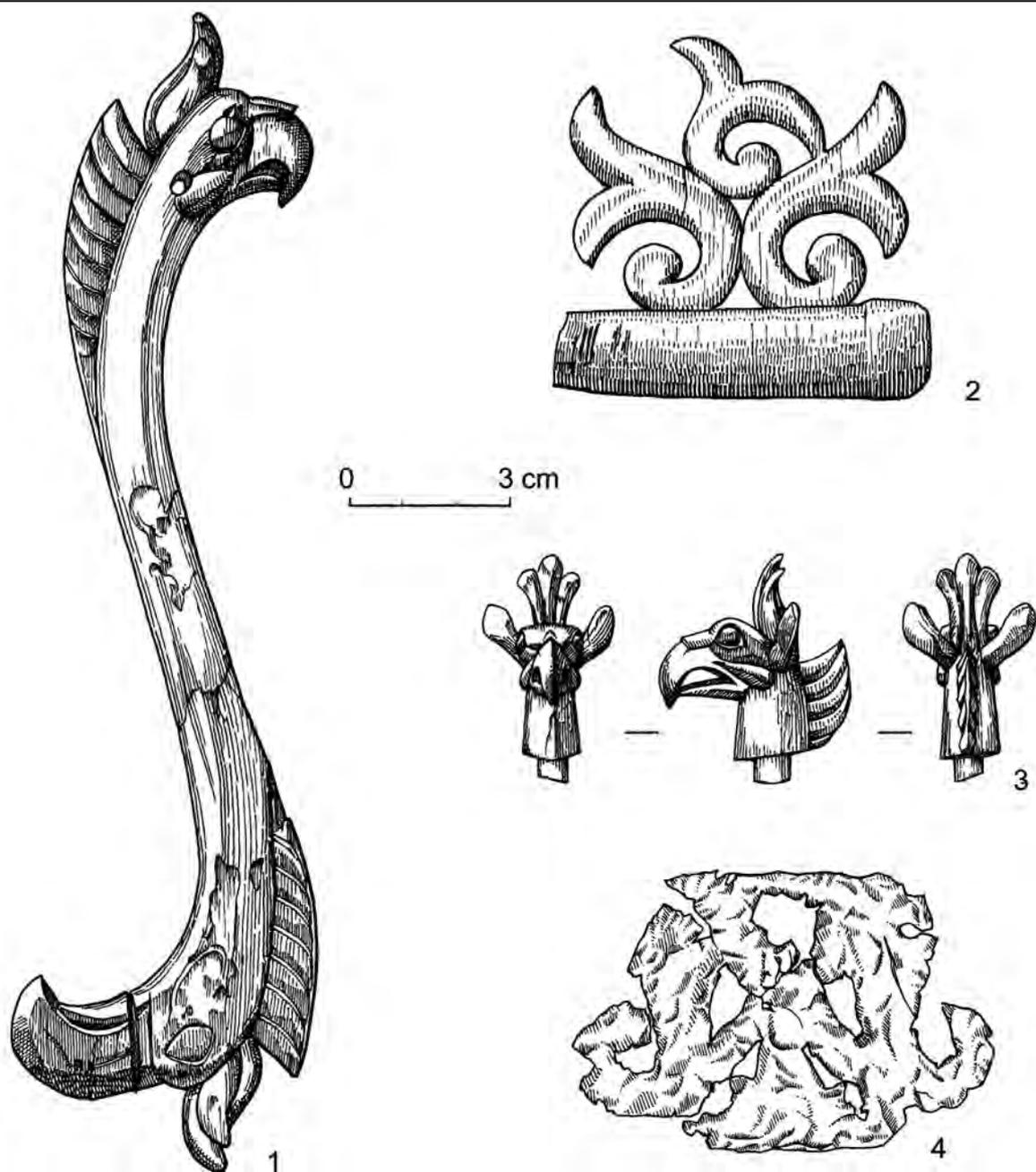

Рис. 8. Могильник Берел, курган № 10. Элементы конского снаряжения, декорированные образами полиморфных существ.

Fig. 8. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10. The elements caparison decorated in the images of polymorphic beings.

ми, выполненными в зеркальной симметрии. От хохолка вниз тянется мощный, очевидно, жёсткий, и постепенно сходящий на нет гребень. Его фактура проработана углубленными бороздками, передающими направление слегка заходящих друг на друга, ровных прядей. Проработка фактуры гребня точно воспроиз-

водит декор упоминавшегося выше начельника. На противоположном окончании псаля в передаче таких содержательных элементов как глаз, щека, ротовая щель, детализация отсутствует. Композиция псаля организована таким образом, что направление животных можно охарактеризовать как поступательное

движение – друг за другом, вереницей.

Подвесная бляха, выполненная в зеркальной симметрии, с изображением голов двух горных козлов (конь “К”) (рис.7, 5). Животные мордами упираются непосредственно в планку. Композиция уравнивается за счет дополнительных элементов в виде условно обозначенных фрагментов подшейных грив и бородок, пряди которых трактованы при помощи слегка изогнутых, параллельных, углубленных бороздок. Отлична манера подачи “грив” и бородок. Первые изображены смыкающимися, последние – сливающимися как бы в одно целое. Глаза крупные, показаны в невысоком рельефе, каплевидные, с выпуклым зрачком, обозначенным углубленной линией. Сомкнутый рот оконтурен валиком. Уши трактованы несколько по-разному, одно с округлым окончанием, другое – с приостренным, форма близка к ложечковидной. Ото лба вверх и назад, смыкаясь с подшейной гривкой и образуя замкнутый круг, тянется рог. Годичные кольца показаны традиционно – в виде ряда округлых выступов, помещенных на округлом основании, повторяющем абрис рога. В среднем количество бугорков на роге колеблется от 7 до 10. В конкретном описываемом случае у одного животного 10 (?) бугорков, у другого – 7. Композиция сюжета воспринимается уравновешенной, достигаемой за счет манеры подачи содержательных элементов изображенных анималистических образов.

Планка подпрямоугольная в плане, с выпуклой внешней и плоской тыльной сторонами, на одном конце проработано небольшое утолщение. Выполненные в торцах сквозные отверстия выходят на тыльной стороне в длинный, прямоугольный в плане и подтреугольный в сечении желобок.

Приведем описание некоторых седел, найденных в кургане № 10. Седельное покрытие **коня “А”** украшено изображениями восьми шествующих сфинксов, расположенных друг за другом, по четыре с каждой стороны (рис.9, 1). Фигурки миксантропоморфных существ выполнены на войлоке желтого цвета в технике аппликации, составленной из разноцветных кусочков войлока, обшитых по краям крученой нитью. Сфинксы представ-

ляют собой изображения андрокефалов, расположенных по направлению к голове с левой стороны седла и к хвосту – с правой стороны, показаны в профиль. Элемент движения ярко передает соответствующая трактовка всех четырех лап. Персонажи изображены с телами кошачьих хищников. Задняя половина туловища красного цвета, передняя первоначально была, видимо, синего или зеленого цвета. Фактура пятнистого окраса шкуры передана при помощи вставок, отличных от основного фона цвета, выполненных в технике реверса: красные вставки на зеленой части туловища, и наоборот – зеленые на красном фоне. Синкретичность образа усиливают крылья, рога и необычный хвост. Крылья с приостренным кончиком подняты вверх, загнутым вперед к голове. Поднятый кверху хвост трактован тремя спиралевидными выступами, загнутыми назад и вниз. Морда сфинкса удлиненных пропорций, опущена вниз. У существа округлый с выделенной слезницей глаз. Ото лба вверх и назад тянется мощный дуговидный рог, на котором в виде полуподковок проработано по 6-7 спиралевидных отростков, имитирующих выступы годовых колец. Фактура рога передана десятком вставками красного цвета. В основании рога просматривается два коротких отростка, возможно, дополняющих рог, либо передающих фактуру пышной шевелюры персонажа. Ухо листовидное, широкое, с полуовальной вставкой в основании, присутствуют следы белой и желтой фольги. Шея широкая, выгнута. На линии соединения шеи и туловища проработана фактура тела (мускулатура?) в виде ряда луновидных вставок красного цвета, обращенных концами вверх. Все детали изображений оконтурены крученой нитью светлого оттенка.

Седельное покрытие **коня “В”** украшено изображениями восьми шествующих синкретических существ – грифонов, расположенных друг за другом, по четыре с каждой стороны (рис.9, 2). К сожалению, одна половина седельного покрытия сохранилась хуже. Фигурки грифонов выполнены на войлоке желтого цвета в технике аппликации, составленной из разноцветных кусочков войлока, обшитых по краю крученой нитью. Грифоны

представляют собой орнитоморфные существа, фантастичность которым придают острые, торчащие вверх уши, гипертрофированные лапы, хохолок и гребень (?). Передняя часть туловища грифонов сделана из войлока синего цвета, задняя – из красного. У существ маленькие овальной формы глаза, мощный, крючководно загнутый книзу клюв, хохолок, отходящий от лба вверх и назад. Острое, тор-

чащее вверх, ухо. На макушке, между хохолком и ухом, находится отросток, имеющий на конце утолщение. Шея мощная, не пропорциональна задней части туловища. Фактура оперения передней части туловища трактована четырьмя перьевидными выступами; мощные лапы – трехпалые; большие крылья подняты вверх, фактура оперения показана выступами, придающими им ажурность и

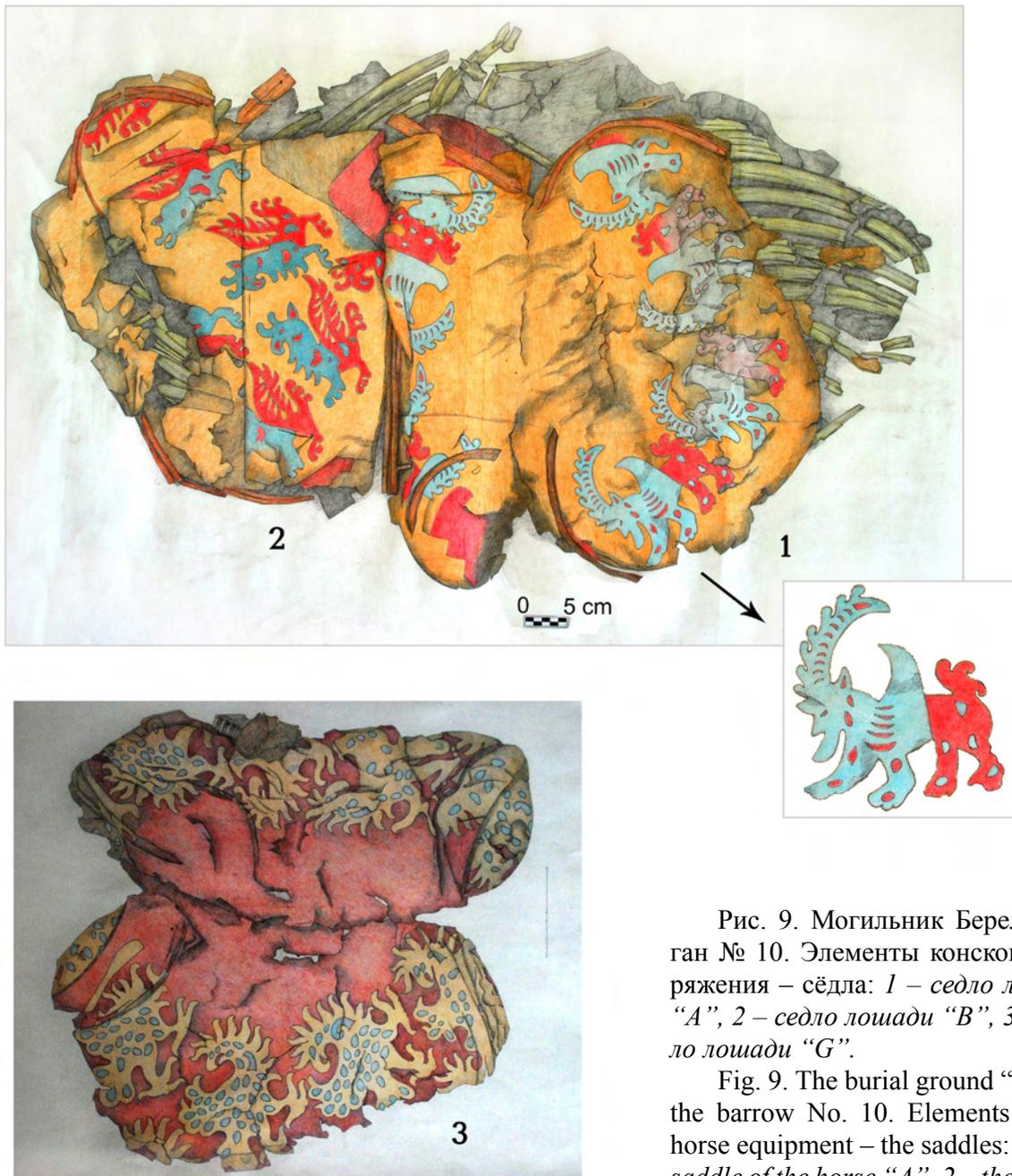

Рис. 9. Могильник Берел, курган № 10. Элементы конского снаряжения – седла: 1 – седло лошади “А”, 2 – седло лошади “В”, 3 – седло лошади “Г”.

Fig. 9. The burial ground “Berel”, the barrow No. 10. Elements of the horse equipment – the saddles: 1 – the saddle of the horse “A”, 2 – the saddle of the horse “B”, 3 – the saddle of the horse “G”.

легкость. На внешнем и внутреннем контурах крыльев проработано по 5 выступов. Хвост поднят вверх, фактура его оперения передана тремя выступами, завершающимися утолщениями. Кусочками из красного войлока на синем фоне показаны: глаз, ротовая щель, внутренняя часть уха, каплевидная фигура на щеке и две точки на передней части туловища. Кусочками из синего войлока на красном фоне выполнено две точки на задней части туловища.

Седелное покрытие **коня “G”** украшено изображениями восьми шествующих синкретических существ – грифонов, расположенных друг за другом, по четыре с каждой стороны (рис.9, 3). Фигурки грифонов выполнены на войлоке желтого цвета в технике аппликации, составленной из разноцветных кусочков войлока, обшитого по краю крученой нитью. Фигуры грифонов выполнены из желтого войлока, на нем кусочками из синего материала выполнены такие содержательные элементы как глаз, ротовая щель, каплевидная фигура на щеке, завиток и пятнышко на туловище, фактура оперения. Полиморфные персонажи показаны идущими с обернутой назад (к крылу) головой. Глаз грифона каплевидный. Мощный клюв крючковидно загнут книзу, на нем показана ротовая щель. На щеке выполнена каплевидная фигура, чуть ниже выполнена еще одна такая же фигура, обращенная острием в противоположную сторону, ниже которой проработан завиток с прямым основанием. Ото лба вверх, вдоль шеи тянется грива с длинными развевающимися прядями. Всего показано 9 отростков, обозначающих 9 прядей. Крылья подняты вверх и обращены к голове. Окончания крыльев трактованы четырьмя полукруглыми выступами, в заполнении которых пришиты каплевидные фигуры, обращенные острыми сторонами вниз – к туловищу. На крыльях, на двух выступах, расположенных ближе к голове, фиксируется по два крючковидных отростка, отдаленно напоминающих стилизованные изображения голов орлиноголовых грифонов. Веерообразно распущенный хвост трактован тремя полукруглыми выступами, в заполнении которых также фиксируются каплевидные фигуры, обращенные острием к туловищу. Фактура

оперения туловища, крыльев, хвоста показана каплевидными фигурами. Лапы хищников мощные, трехпалые. Длинные когти проработаны тремя извивающимися отростками.

Перейдем к реконструкции снаряжения ритуального убранства коней. Если в описании мы придерживались порядка, выдержанного буквенными обозначениями, то здесь логичным будет рассмотрение комплектов, начиная с первого ряда. Предлагаемые варианты реконструкции являются предварительными, так как еще не закончены работы, связанные с полноценной обработкой материала и не завершена консервация и реставрация изделий.

Изобразительный текст комплекта **коня “K”**, уложенного первым от сруба, отличается от всех остальных наличием рогов горного козла, венчавшими, очевидно, наголовную маску. Кроме того, в составе парадного конского убранства присутствуют бляхи с образами копытных и орнаментальными композициями, составленными из мотива “бегущей волны”.

На рогах, венчавших маску, валиками-полусферами обозначено 6 годовых колец. Мотив подвесных блях также содержал образ этого же животного, представленный композицией из изображения двух голов, показанных в зеркальной симметрии. Образ “ведущего” коня, каким, видимо, является анализируемый комплект, усилен изображениями копытных, в том числе и животными из семейства оленевых. Среди некоторых реперных признаков, позволяющих различить травоядных животных, можно выделить следующие: наличие бородки у горных козлов, подшейной гривы у баранов, характерной горбоносости у лосей, присутствие, в некоторых случаях, орнаментированного “жемчужинами” пенька в основании рога у оленей, наличие гривы у коней. Определяя вид животного в данном конкретном случае, обратим внимание на присутствие отверстий для рогов, маленький хвост. Это копытное животное без подшейной гривы, бородки, горбоносости, гривы, поэтому с некоторой долей сомнения определим его принадлежность к оленевым. Очень похожая композиция содержится в двух комплектах коней верхнего яруса из кургана № 11 могильника Берел. Единственное отличие – оформление

щитка. Если в кургане № 11 это протомы двух животных, “вырастающих” из конечностей лежащих зверей, то в данном случае – орнаментальная композиция фитоморфного плана, отдаленно напоминает антропоморфный силуэт. Подобное контурное изображение, образованное рядом содержательных элементов, прослеживается и в декоре “оленьей” бляшки из Жалаулинского клада. На этот момент исследователями в контексте изучения морфологии предмета было в свое время обращено внимание [Самашев, Ольховский, Омаров, 1997].

В трансформируемом облике коня вполне узнаваемы черты травоядных, рогатых животных. Элемент рога в комплекте воспроизведен трижды – тремя оригинальными изображениями рогов: рога горного козла на маске, рога горных козлов и оленевых в декоре подвесных блях. В композиционном отношении данный элемент отчасти перекликается с декором дужек седла.

Реконструируемый комплект снаряжения коня “К” выглядит следующим образом. Голова коня, очевидно, была в маске, увенчанной рогами травоядного животного, скорее всего горного козла (?). Основной мотив декора элементов убранства – горный козел, изображения голов двух животных помещено на подвесных бляхах. На наносном ремне – 1 бляха, на нащечном – 6, по 3 бляхи с каждой стороны. Окончания S-видных, зооморфно оформленных псалиев, декорировано изображениями синкретических существ – грифонов. На нахолкном ремне 6 блях – по 3 с каждой стороны. На нагрудном ремне 9 подвесок: 8 с изображениями горных козлов и 1 с изображением оленевых. На перекрестии нагрудного и нахолкного ремней расположены бляхи со скульптурно выполненной головой оленевого и щитком, декорированным стилизованным растительным орнаментом, покрытым желтой фольгой. Аналогичные бляхи расположены попарно на перекрестии нащечного ремня с наносным и налобным. Разделитель ремней – развилка не содержит декор. На конструктивных элементах седла, в частности, на распорках содержится орнамент, вырезанный из бересты, плакированный оловом.

Комплект коня “Г” состоит из блях, выполненных в виде орлиного грифона. Этот образ декорировал узловые точки узды ремней оголовья. Мощный, острый, крючковидно загнутый клюв характеризует облик хищной мифической птицы, содержащейся в декоре комплекта. Обращает на себя внимание хоолок, напоминающий фитоморфную композицию, образованную из трех лепестков, наподобие пальметт. В данном комплекте присутствуют подвески, напоминающие коробочки семян растения, выполненные по подобию дольчатых, декорировавших край седла в комплекте одного из коней кургана № 11. Псалии – предметы функционально предназначенные для управления верховым конем, содержат образы сильно стилизованных орлиных грифонов. На лбу располагалась круглая бляха с округлой выпуклостью в центре. Аналогичные изделия были широко распространены в алтайском регионе. Топография данных предметов в парадном убранстве традиционна. Анализ формы такой простой, какой на первый взгляд кажется круглая налобная бляха, позволяет предположить, что в ней заключено стилизованное изображение глаза, характерного для фантастических орнитоморфных существ.

Непосредственное отношение к этому комплекту имеет обнаруженная здесь плеть, от которой сохранилась лишь рукоять. Символично присутствие плети в убранстве коней первого ряда. В данном случае, видимо, этот элемент выступает как предмет вооружения, возможно выполнявшего “защитную” (в качестве оберега?) функцию, а также маркирует коня “собственного седла”. На что косвенно также указывает и зооморфный декор предмета, представленного исключительно образами хищных животных, особенно кошачьим с антропоморфными чертами. Сведенные на переносе брови – содержательный элемент, тщательно исследуемый Л.Н. Ермоленко и обозначенный ею “человеческой «маской гнева»”. Исследовательница убедительно доказала, что антропоморфизированный образ кошачьего может быть “изобразительным аналогом эпической звериной метафоры героя” [Ермоленко, 2006, с.20-21]. Присутствие данного образа в элементах погребального

обряда, равно как и использование ряженных коней в других ритуалах переходного плана, видимо, предопределялось функциональным предназначением, призванным обеспечить скорейшее свершение “посмертного путешествия”.

Реконструируемый комплект коня содержит основной мотив парадного убранства, выполненный в виде стилизованного изображения грифона. На ремнях оголовья бляхи расположены в следующем порядке: на налобном помещена круглая с округлой выпуклостью в центре бляха; на наносном – по краям от бляхи в виде изображения орлиного грифона, расположено по одной подвеске, содержащей изображение сильно стилизованного орлиного грифона; на нахолкном – 2 симметрично расположенные по отношению друг к другу подвески с барельефным изображением орлиного грифона; на нащечном – по 4 упоминавшихся выше подвески с каждой стороны. На нагрудном ремне с каждой стороны расположено по 3 подвески, выполненные в виде стилизованного изображения грифона. С правой стороны к седлу приторочена плеть. С левой стороны седла к распоркам спереди и сзади подвешены каплевидные подвески, выполненные из кожи, с 7 “листочками” на одном “стебле”. Разделитель ремней – развилка не содержит декор. Таким образом, все элементы комплекта – налобная бляха, псалии, бляхи переносья и оголовья, “балабошки” – оказываются связанными между собой внутренней логикой, переключаясь содержательными элементами.

В комплекте коня “Н” органично переплетаются образы орлиного грифона, представленного реалистично и в сильно стилизованной манере, а также птицы с расправленными крыльями. Дополняют набор так называемые рубчатые бляхи, расположенные на ремнях оголовья и груди. Налобная бляха трансформирует образ коня в фантастическое существо – орлиного грифона. Композицию ремней оголовья дополняет декор псалиев, содержащих изображения орлиных грифонов. Персонажи на зооморфных окончаниях S-видных псалиев расположены таким образом, что создается ощущение непрерывного движения по кругу. Элемент движения,

вереницы, прослеживается и в декоре передних седельных луков, узнаваемый в композиции из 6 стилизованных орлиных грифонов, следующих друг за другом, представленных сокращенно – изображениями голов. Декор седельных ремней также содержит орнитоморфный образ – птиц, изображенных в динамичной позе с расправленными крыльями, демонстрирующих, видимо, состояние полета, парения.

Ведущий образ коня “Н” – орлиный грифон. Образ, несмотря на синкретичность, вполне узнаваем, в нем нет черт, присущих монстрам, какие во всем многообразии представлены в материалах кургана № 11. Собственно, перед нами образ хищной птицы, усиленный лишь гипертрофированным изображением ушей. Такая трактовка данного признака обычна для зверей и не свойственна в реальности орнитоморфным персонажам. Специального рассмотрения заслуживают органично дополняющие комплект рубчатые подвесные бляхи, расположенные на ремнях – эти предметы, лишённые зооморфизма, могут выступать в качестве самостоятельных элементов и в то же время являться звеном, логическим продолжением всего ансамбля. Подобный мотив широко представлен в материалах археологических памятников сопредельных территорий. В материалах кургана № 11 могильника Берел известны бляхи, декорированные одним-двумя рядами “жемчужин”. Сопоставляя данный содержательный элемент с признаками, характеризующими анималистические образы, наиболее близкой аналогией выступает манера изображения “воротничков” у синкретических орнитоморфных персонажей, известная, например, даже в образе самой массивной скульптуры рогатого, крылатого, орлиноголового тигрогрифона, а также в серии предметов этого же объекта на изделиях со сценами “терзания”, показанных сокращенно – голова травоядного в клюве фантастического существа. Кроме того, ряд “жемчужин” содержится в декоре пеньков рогов у оленей. В материалах пазырыкских курганов известны изображения, на которых “воротнички” переданы не “жемчужинами”, а “рубчиками”. Какое значение вложено в “берельские” рубчики? Возможно, от

локализации предметов с подобным декором в системе украшений зависит смысл, вкладываемый в этот мотив. В том числе не исключается и “воротничок” существа, в фантастический образ которого трансформировалась сущность коня.

Отметим, что в целом содержательные элементы данного комплекта органично сочетаются, дополняя, усиливая и изменяя образ коня. Реконструкция комплекта. Основной мотив декора конского убранства – барельефный орнамент в виде рубчиков. Ремни оголовья содержат следующие элементы: круглую налобную бляху; S-видные псалии с изображениями голов орлиных грифонов на концах, разделитель ремней – развилку и бляхи, декорированные “рубчиками”. На нахольном ремне помещено всего 8 планок, декорированных “рубчатым орнаментом”, по 4 с каждой стороны; нащечные ремни содержат 6 бляшек, декорированных “рубчиками” – по 3 с каждой стороны; на наносном ремне – 4 таких бляшки. Пересечения нащечного и налобного ремней маркированы массивными бляхами, выполненными в виде изображения орлиного грифона. На нагрудном ремне крепилось 7 блях: по три “с рубчиками” с каждой стороны, в центре располагалась бляха с изображением орлиного грифона. Перекрестия нагрудного и нахольного ремней обозначены аналогичными бляхами. На подхвостном ремне помещено 2 небольшие нашивки, выполненные из жёлтой фольги в виде изображения птиц с расправленными крыльями. На передней распорке седла содержится декор в виде ажурного, вырезанного из фольги орнамента. Здесь же находилось две кольцевидные пронизки.

В комплекте коня “G”, последнего из данной четверки, органично переплетаются стилизованные элементы витиеватой орнаментальной композиции, помещенной на подвесных бляхах, псалиях и изображения фигур стилизованных орлиноголовых грифонов в сочетании с пятилучевыми розетками в декоре седла.

Декор псалиев и блях из кургана № 10 отличается от своих аналогов тем, что в данном случае мы наблюдаем преобладание фитоморфных мотивов. Здесь друг под другом расположены три пары лепестков, причем первые

от щитка лепестки короткие, следующие за ним – наиболее пышные, круто закручены, примерно, в 1,5 оборота, далее – средние, занимающие по размерам промежуточную позицию между первой и второй парами; завершает композицию бутон ромбовидной формы, вырастающий из третьей пары лепестков. Гармоничным продолжением ансамбля являются изображения стилизованных синкретических существ с пышными гривами, показанными в виде длинных, волнообразно закрученных, роскошных прядей, обрамляющих покрывку седла (рис. 9, 3). Развевающиеся мощные гривы фантастических персонажей, вероятно, свидетельствуют о динамичности характера сюжета. Что могло обозначать изображение развевающейся гривы у синкретического персонажа – мощь ветра (?), скорость мчащегося существа (?) – лишь маленькие фрагменты сложного полотна каким, в целом, предстаёт перед исследователями мифоритуальная система древнего населения.

На задней дужке седла присутствует накладка, выполненная в виде пятилучевой розетки. Здесь также угадывается мотив “бегущей волны”, только в данном случае построенной не по горизонтали, а по кругу, замыкаясь в кольцо из последовательно расположенных спиралевидно закрученных завитков. Подобные композиции обычно истолковываются как солярные символы. В связи с этим отметим, что исследователи, рассматривающие вопросы скифо-сакской мифологии, в своих заключениях приводили также тезис и о неразрывной связи образа солнца и образа коня [Акишев, 1984; Беленицкий, 1978; Полидович, 2006, с.369].

Таким образом, завершает первую четверку конь, в комплекте которого переплелись орнаментальные элементы, изображение стилизованного орлиного грифона и солярный символ. Смысловое содержание этих предметов, логично связанных присутствием круговых композиций, отражающих непрерывность, цикличность, последовательность и динамичность сюжета, одновременно дополняют образ всадника.

Реконструкция комплекта. Основной мотив декора конского убранства – стилизованный растительный орнамент. На ремнях оголовья расположено 6 подвесок с орнамен-

том, помещенных симметрично на нащечном ремне по 3 с каждой стороны. Окончания S-видных псалиев декорированы также как и подвески, их поверхность имеет оловянное покрытие. На ремне, идущем к седлу, помещено по 4 подвески со стилизованным орнаментом. Распорки седла сзади декорированы пронизями, выполненными в виде пятилучевых розеток. Здесь же находится деревянная пряжка от подхвостного (?) ремня.

Реконструировать убранство **коня “F”** несколько проблематично из-за того, что на него пришла воронка грабительского лаза. На гипотетическом уровне можно предположить, что в комплекте данного коня ведущий анималистический образ – олень, представленный стилизованными изображениями сдвоенных головок животного, декорирующих подвесные бляхи, фрагменты которых были выявлены в лазе.

Ведущий образ коня “F” переключается с изображением, помещенным на массивной бляхе от головного убора погребенного человека. В данном случае это также образ оленя, определяемый по такому содержательному признаку, как орнаментированный “жемчужинами” пенек. Укажем, что положение, занимаемое этим конем, близко к срубам. Он “следует” сразу же за животным в маске, увенчанной рогами горного козла и, как видим, его основной образ также рогатое, копытное животное.

В убрании **коня “E”** гармонично совмещаются образы ихтиоморфного персонажа и синкретического существа. Образ рыбы представлен силуэтным изображением, узнаваемым по характерному контуру. Изображениями рыбы декорированы ремни оголовья, груди. Этот конь занимает центральную позицию, оказываясь окруженным остальными 9 животными. От облика реальных представителей фаунистического комплекса в нем присутствует ихтиоморфный персонаж, от мира синкретических существ – орлиноголовый грифон, представленный сокращенно – гребнем. В такой манере, отдельными частями, представлены анималистические образы, например: рога горных козлов в декоре масок, кабаньи клыки в качестве подвесных блях, гребни, в форме которых

выполнены своеобразные чехольчики для челок и грив, выполнены по принципам парциальной магии, заменяя частью целое. Так, в трансформированном облике коня сливаются два существа, обладающие медиативными функциями. Рыба, преодолевающая водные пространства, и грифон, способный передвигаться как на земле, так и в небе. О взаимодействии этих двух образов ярко свидетельствует декор седельных подвесок из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 2001]. Здесь, в пространство туловища рыбы вписаны реалистичные и стилизованные изображения орлиных грифонов, представленные как целыми фигурами, так и частями – в виде сдвоенных голов синкретических существ. Присутствие образа рыбы в изобразительных памятниках древних кочевников Российского Алтая проанализировано В.Д. Черемисиным [Черемисин, 2006, с.332-333].

Таким образом, комплект коня “E” преобразует лошадь в животное, в котором совмещаются признаки орлиного грифона и рыбы. Предметы, составляющие отдельные комплекты из курганов с мерзлотой, уникальны – трансформируемые образы коней индивидуальны, декор ритуального снаряжения представляет собой удивительное сочетание схожих в плане организации композиции и разных, в плане содержания персонажей, “тексты”. Реконструируемый комплект коня “E” выглядит следующим образом. Основной мотив декора конского убранства – рыбы. На ремнях оголовья помещено 9 подвесок, декорированных изображениями ихтиоморфов: на наносном – 3, на нащечных – с каждой стороны – по 3. На каждой планке изображено по 3 фигурки рыб. Предположительно, изображения рыбок покрывались желтой фольгой, а планки и верхние части подвесок – белой фольгой (оловянной). Голова коня, возможно, была в маске (?). Пряди челки животного были скрыты в специальном футляре – начальнике. Лошадь оседлана, к седлу прикреплены сдвоенные планки (?).

В числе компонентов убранства **коня “D”** присутствуют круглая налобная бляха с округлой выпуклостью в центре, четырехлепестковая розетка, украшавшая передние дужки седла. В принципах организации орна-

ментальных композиций данных предметов прослеживаются те же приемы, наблюдаемые в сюжетах из анималистических образов. Присутствие солярных символов в декоре конского убранства логично сопоставляется с мастью животных, которая в основном была рыжей.

В декоре подвесных блях использован орнамент, имитирующий жгуты. Жгут предполагает кручение. В данном случае изображен жгут, скрученный из трёх прядей. Жгут встречается в элементах одежды древних кочевников, в сложносоставных головных уборах, к числу которых можно отнести и парики – искусственно созданные прически, а его изображениями декорированы элементы конского убранства. Возможно, при помощи этого компонента подчеркивалась тесная взаимосвязь ансамблей в целом. Не исключается, что присутствие данного мотива в наборе среднего ряда коней олицетворяет некую цепочку, соединяющую два больших фрагмента “текста”, отражённого в убранстве коней первого и третьего рядов.

Итак, реконструируемый комплект коня “D” содержит следующие элементы. Основной мотив – орнамент в виде жгута. На ремнях оголовья картина такая: на налобном – помещена круглая с округлой выпуклостью в центре бляха; на наносном – 3 подвески, декорированные жгутом; на нащечных – 6 таких подвесок, расположенных симметрично по 3 с каждой стороны; крайние подвески нащечных ремней декорированы растительным орнаментом; на наолкном – 8 подвесок, декорированных жгутом. На нагрудном ремне помещено 8 аналогичных подвесок. На передних седельных дужках помещено 2 бляшки, выполненные в виде четырёхлучевых розеток. Окончания S-видных псалиев, вероятно, также как и подвески, содержат стилизованный орнамент, перекликающийся с декором на бляхах, расположенных на краю нащечных ремней. Разделители ремней – развилки – не содержат декоративных элементов.

Ведущий образ в комплекте коня “С” – кабан, представленный сокращённым изображением – клыком. Сюда также входит щит, притороченный к седлу с правой стороны, и 2 маленькие пряжки, имеющие, скорее чисто

эстетическое предназначение, чем функциональное.

Имитация кабаньего клыка выполнена из дерева. В декоре снаряжения образ кабана выступает в качестве объекта, “терзаемого” кошачьим хищником. Этот же сюжет запечатлен и на окончаниях S-видных псалиев, в целом образующих круговую композицию из следующих друг за другом образов животных. Топография подвесных блях с изображением клыка в пасти кошачьего такова: нос, перекрестье ремней оголовья, псалии, перекрестье и центральная бляха нагрудных ремней. Промежуточные бляхи на ремнях оголовья, нагрудных и подхвостных выполнены в виде четырёхлучевой розетки. Налобная бляха представляет собой круглый щиток с округлой выпуклостью в центре. Аппликация на седле содержит изображение сцены терзания крылатым кошачьим хищником горного козла. Край седла декорирован бахромой с длинными прядями. Хвост перехвачен узлом, закрытым кожаной повязкой, плакированной желтой фольгой. Таким образом, в комплекте дважды воспроизведен сюжет со сценой терзания. В обоих случаях в роли терзателей выступают кошачьи хищники, в образе которых прослеживаются признаки синкретизма. Животных, переданных в виде скульптурных изображений, отличает от плоскостных трактовка ушей хищников. Если во втором случае они реалистичны (округлые), то в первом – вставные уши показаны гипертрофированно и их листовидная форма не типична в качестве содержательного признака кошачьих.

В искусстве древних кочевников Алтая среди сцен терзания, показанных сокращённо, чаще всего воспроизводится сюжет, в котором голова “терзаемого” животного находится в клюве или же пасти “терзателя”. Конструктивные особенности содержания композиции в декоре вышеупомянутого комплекта представлены несколько по-иному, “терзаемое” существо показано сокращённо в виде клыка. Сходным образом построенный сюжет присутствует в декоре ножки бронзового котла из Семиречья. Однако, в данном случае терзаемое животное представлено ногой копытного животного. Роль “терзателя” в данном случае у синкретического существа,

которому среди памятников алтайского региона имеется ряд аналогий – это изображение кошачьего хищника с рогами, завершающимися “шариками” на концах, ровным гребнем и большими листовидными ушами (рис.10, 18). Аналогичный образ фантастического полиморфного животного присутствует в декоре гривны из пазырыкского кургана № 2 (рис.10, 11). Равная степень присутствия такого персонажа в элементах костюма, культовых атрибутах, снаряжении коня позволяет причислить данные образы к числу универсальных.

Медиативные функции, какими обладает кабан, видимо, подтверждаются на примерах встречаемости этого образа в сочетании с кошачьим хищником, синкретическим существом, а также в комплексе с соляными знаками и сценой терзания фантастическим животным копытного, на примере комплекта из пазырыкского кургана № 1.

Резюмируя вышесказанное, попытаемся восстановить убранство коня “С”. Реконструировать систему расположения элементов ремней оголовья крайне затруднительно вследствие того, что голова была сильно потревожена грабителями. На нагрудном ремне находилось 3 подвески в виде клыка кабана. Распорки седла сзади были декорированы бляшками, выполненными в виде четырёхлепестковых розеток. Конь оседлан. К седлу с левой стороны, к задней части распорки, подвешены конусовидные подвески. С правой стороны к седлу приторочен щит, составленный из палочек. Удила кольцевидные, изготовлены из железа.

Комплект коня “В” выполнен на основе сочетания нескольких образов. Здесь присутствуют изображения птицы с расправленными крыльями, орлиноголовые ушастые грифоны, кабаны. Образ кабана представлен сокращенно – клыками. Налобная бляха представляет собой круглый в плане щиток. К седлу с левой стороны приторочен щит. Седельные подвески выполнены в виде маленьких деревянных конусов.

Основной элемент декора комплекта коня “В” – орлиный грифон с расправленными крыльями. На ремнях оголовья прослеживается следующая система расположения подвесок: на налобном – круглая бляха с выпуклостью

в центре; на наносном – в центре массивная бляха в виде изображения синкретического существа, такими же бляхами маркированы пересечения нащечного ремня с наносным и налобным. Псалии S-видные с окончаниями, декорированными изображениями стилизованных орлиных грифонов; разделители ремней оголовья – развилки не содержат декор; удила железные кольцевидные. На нагрудном ремне – 3 подвески-имитации кабаньего клыка. Конь оседлан. К седлу с правой стороны прикреплено 3 подвески в виде усеченного конуса, с левой – фиксируется 1 такая подвеска. На распорках седла, спереди, на правой и левой сторонах, прикреплено по 1 кольцевидной пронизке. С левой стороны к седлу приторочен щит.

В убранстве коня “А” использовано несколько анималистических образов: стилизованный орлиный грифон на псалиях, подвесные бляхи в виде клыка кабана и изображения 8 шествующих сфинксов, помещенные на седельном покрытии. На ремнях оголовья наблюдается сочетание двух образов животных: кабана и орлиного грифона. Исключительный интерес представляет аппликация, помещенная на седле, выполненная из сочетания оттенков синего, красного, черного тонов. Композиция шествующих сфинксов, существ со смешанной сущностью, сама по себе очень символична.

Убранство коня “А” реконструируется следующим образом. Основной элемент декора – имитация кабаньего клыка. Ремни оголовья содержат следующие элементы: на налобном – круглая с выпуклостью в центре бляха; на наносном – 1 подвеска в виде клыка; на нащечном ремне симметрично с каждой стороны расположено по 3 подвески; псалии – S-видные, с окончаниями, декорированными изображениями стилизованных орлиных грифонов; разделители ремней оголовья – развилки не содержат декор; удила – железные кольцевидные. К прядям гривы с правой стороны прикреплены “косички”, сплетенные из шерстяных нитей, завершающихся подвесками, выполненными в виде клыков. На нагрудном ремне – пять подвесок в виде клыка кабана. Конь оседлан. Седло декорировано аппликацией со сфинксами.

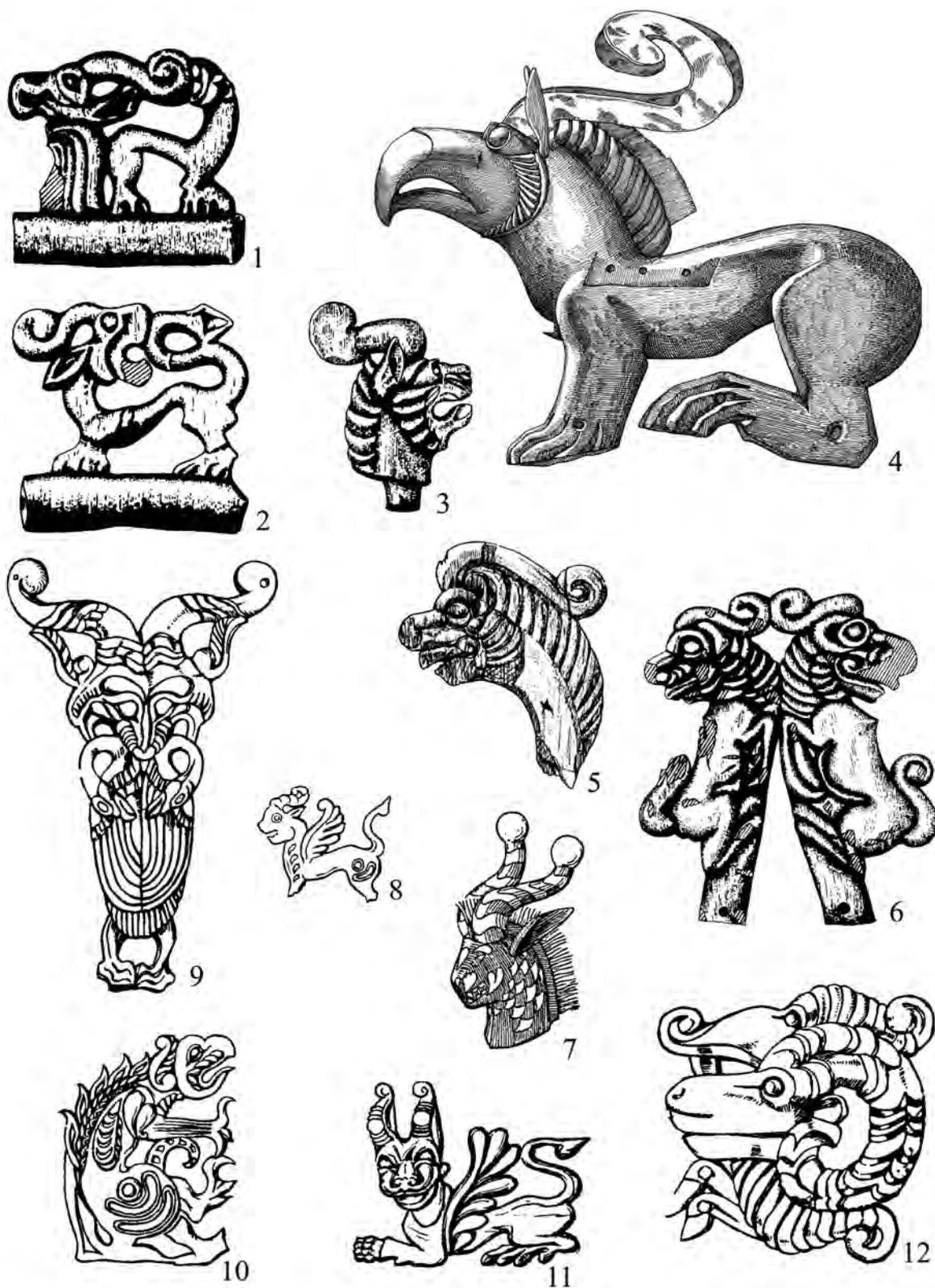

Рис. 10. Изображения полиморфных существ с рогами, завершающимися шариками: 1-6 – материалы могильника Берел, курган № 11; 7-11 – Пазырык.

Fig. 10. Images of polymorphic beings with the horns with balls at the end: 1-6 – materials of the burial ground "Berel", the barrow No. 11; 7-11 – Pazyryk.

Образ миксантропоморфного существа (сфинкса) встречен в материалах трёх курганов – №№ 9-11 могильника Берел. Образ сфинкса из кургана № 11 монументален, выражение ликов – это различные гримасы гнева, печали или радости (рис. 11, 2-3). Возможно, в облике этих фантастических существ сокрыта определенная информация об их владельцах. В композиционном отношении разделяются право- и левосторонние изображения. Имеется и геральдическая композиция, построенная по принципам зеркальной, образованной из тел двух персонажей, объединенных одной головой, выступающей – центральным доминирующим элементом. В то же время, данная скульптура сфинкса, видимо, является ключевым компонентом некоего украшения, возможно гривны, по крайней мере, эти фигурки, видимо, вплетались в круговую композицию, ограничивающую, замыкающую сакральное пространство. Возможно, это была гривна, которая в определенные моменты, связанные с отправлением культов переходного цикла, присутствовала на шее значимой персоны, каковой, судя по роскоши погребального обряда, являлся погребенный здесь человек. Единственная, обнаруженная здесь, фигурка крылатого кошачьего могла декорировать окончания гривны, либо выступала самостоятельным компонентом гривны женщины, хотя допускается ношение нескольких гривен одновременно. Изображения сфинксов из кургана № 9 представляют мобильные образы, выполнены наиболее просто. Существа из кургана № 10 занимают промежуточную позицию между изображениями из объектов Береля №№ 9 и 11. Шествух по краю седла, они тем самым как бы замыкают в кольцо восседающего на нем всадника.

Возвращаясь к характеристике других зооморфных образов, отметим, что декорирование узды кабаньими клыками широко практиковалось древними кочевниками алтайского региона, это были не только оригинальные предметы, но и их имитации, изготовленные из дерева. Изображение клыка считается полисемантическим, так как его форма напоминает и клык, и клюв и коготь.

В конском ритуальном снаряжении кургана № 71 могильника Берел, представлен-

ного оригинальными кабаньими клыками, выделяется один. Он усилен изображением головы хищной птицы, с мощными ударами клюва которой ассоциируется острое чеканов, кинжалов – зооморфно декорированных предметов вооружения. Здесь эта взаимосвязь прослеживается довольно отчетливо, так как сопогребенный конь, умерщвленный ударом чекана, трансформируется в облик другого животного. В данном случае – хищной природы. В связи с этим невозможно не заметить расположение коней в кургане № 10 могильника Берел, где животные, в декоре убранства которых присутствуют кабаньи клыки, расположены в один ряд, логично завершая всю “композицию” данной части внутримогильного погребального комплекса. Декорирование узды кабаньими клыками было особенно популярно у древних кочевников Западной Азии. Здесь получили широкое распространение пронизи и крюки в виде клыка, декорированные различными изображениями, отлитые чаще всего из бронзы [Королькова, 2006, с.105-125, табл.60-65]. Возможно, присутствие кабаньих клыков и их имитаций в убранстве коней, сопогребаемых с человеком, преобразуют коня в кабана, наделяя его также дополнительными качествами хищных птиц, что в целом способствует возникновению нового образа, обычно именуемого синкретичным. Присутствие кабаньих клыков только на передней части туловища, вероятно, должно было усилить именно её – из расчета мгновенного поражения, отражения опасностей на пути долгого посмертного путешествия на небесные пастбища. Известны случаи, когда в комплексах конского снаряжения Алтая насчитывается до 50, 60 кабаньих клыков и их имитаций в погребениях [Черемисин, 2006, с.328].

Образ кабана, обычно, используется в качестве метафоры для характеристики могучих и свирепых персонажей, например таких как, греческий бог войны Арес, иранский бог грома и войны Веретрагна, ведийский демон Вритра [Полидович, 2006, с.369].

О том, что образ кабана известен в искусстве кочевников Казахского Алтая с раннесакского времени, свидетельствуют изображения данного животного в материалах шиликтин-

Рис. 11. Миксантропоморфный образ в искусстве древних скотоводов Алтая: 1 – Пазырык, 2-4 – Берел.

Fig. 11. A mixanthropomorphic image in art of ancient breeders of Altai: 1 – Pazyryk, 2-4 – Berel.

ского кургана № 5, а также содержание наскальных рисунков в местечке Тамураши [Черников, 1947].

Опыт первичной реконструкции, выполненной на материале кургана № 10, свидетельствует о тщательном подборе анималистиче-

ских образов при создании комплектов парадного конского снаряжения. Используемые персонажи логично выстраиваются в изобразительные тексты, гармонично сочетаясь с наборами коней, расположенных рядом. Так, ведущий конь в кургане № 10 представлен

собирабельным образом, состоящим исключительно из копытных: горные козлы, помещенные и на маске и на подвесных бляхах, травоядные, запечатленные на трехмерных бляхах (олени?) в комплексе с орнаментальными композициями, образуют единый текст. Промежуточную позицию в захоронении занимает комплект, в облике которого преобладают изображения рыб. Завершает цепочку конь, в облачении которого использован образ сфинкса. Замыкает композицию всего конского захоронения три коня, в убранстве которых использован образ кабана в сокращенном варианте.

В материалах кургана № 11 кони уложены в два яруса. Пожалуй, главным отличием может являться количество масок в том и другом ярусе, если в верхнем ярусе их две, то в нижнем – одна. Кроме того, если ведущие образы в первом случае представлены копытными, то во втором – птицей. Интересно проследить сочетание: горный баран – горный козел, лось – горный козел. В обоих случаях использовано два рогатых животных: горный баран и лось, усиленные изображениями рогов горного козла на маске.

Под термином конегрифон понимается изображение коня, усиленное качествами других животных, как реально существующих: олень, лось, горный баран, кошачий хищник, так и содержательными признаками ирреальных зверей: синкретических существ, персонажей, обитавших в мифологических представлениях. Этим термином, видимо, можно обозначить всех тех коней, в декоре убранства которых присутствуют анималистические образы.

Образ горного козла трижды воспроизведен в материалах кургана № 11, в элементах масок коней и дважды в кургане № 10 – в комплекте одной лошади и в качестве рогов на маске и в содержании подвесных блях, крепившихся на ремнях сбруи. Также рогами горного козла, видимо, увенчана голова миксантропоморфного существа, содержащегося в декоре седла коня, завершающего композицию сопроводительного захоронения.

К *хищникам* отнесены изображения кошачьих. В материалах кургана № 10 этот образ воспроизведен в элементах костюма: гривна

(?) и рукоять плети. В обоих случаях в качестве источника выступают изображения голов.

Образ *рыбы* встречен в курганах №№ 1, 4, 10 и 11 могильника Берел. Контурное изображение рыбы из кургана № 1 выполнено в условной стилистической манере, вырезано из желтой фольги. В материалах кургана № 4 этот образ использован в декоре седла в качестве подвески, от которой сохранились лишь нашивки из желтой фольги, обозначающие глаза. В кургане № 10 фигурки рыб присутствуют на планках подвесных блях снаряжения коня, который располагался в центральной части сопроводительного захоронения, в окружении остальных девяти коней. В декоре комплекта из кургана № 11 исследуемый персонаж присутствует в качестве большой подвески, крепившейся к седлу.

В материалах кургана № 10 преобладают образы реально существующих животных. В элементах костюма, определяемых в предварительном порядке как детали головного убора, преобладающую позицию занимают животные: олень, горный баран. В декоре снаряжения коня трижды использован образ кабана, по одному разу – горные козлы, олени, рыбы, пять раз – орлиноголовые грифоны, единожды комплект полностью представлен орнаментальными мотивами.

Среди образов синкретических существ курган № 10 выделяется на фоне остальных изображениями, декорирующими седла. В первую очередь это фигура сфинкса (рис. 11, 4). Хотя в материалах курганов №№ 9 и 11 также присутствуют подобные существа, изображение из кургана № 10 имеет целый ряд существенных отличий. Во-первых, материал, на котором воплощен образ, – войлок, во-вторых, функциональное назначение предмета – седло, в-третьих, трактовка содержательных элементов, в-четвертых, поза изображаемого персонажа. В данном случае показано шествующее животное, с изображением всех четырех ног, в особенностях содержательных элементов интересна трактовка хвоста, рога, крыльев. Интересно цветовое решение композиции. Древний мастер удачно, используя лаконичные штрихи, смог передать окрас и фактуру пятнистой шкуры существа. О том,

что в основе использован образ кошачьего хищника, свидетельствует типичное для этих животных изображение поджарого туловища с когтистыми лапами, а также пятнистый окрас. Вспомним, что в материалах пазырыкского кургана № 1 в декоре ряженого коня, увенчанного ветвистыми рогами оленя, присутствует маска, выполненная в виде полной фигуры кошачьего, которая как бы полностью обхватывает голову животного [Грязнов, 1950, рис.16]. Окрас шкуры этого зверя выделен кружками, передающими пятнистость. Седло, декорированное миксантропоморфным существом, принадлежит коню, занимающему, очевидно, заключительную позицию. Если в убранстве коня, уложенного первым, маска увенчана рогами горного козла, а в комплекте преобладает образ травоядных, то, напротив, в наборе “заключительного” коня ведущая роль, видимо, принадлежит сфинксу. Тем не менее, оба комплекта объединяет образ горного козла. Голову андрокефала венчают рога горного козла, трактованные в традиционной для алтайских памятников манере. Обычный содержательный признак горных козлов – рога с валиками годовых колец, обозначаемых полукружиями. В связи с этим актуально рассмотрение рогов из туэктинского кургана № 1 [Руденко, 1960, таблица LXXII, 1, 2, 3]. В данном случае валики-полусферы годовых колец рога увенчаны фигурками кошачьих хищников, показанных в профиль, друг за другом. Изображения сохранились (?) на 10 из 14 валиках. Звери показаны друг за другом – по направлению от верхушечной части к комлевой, получается, что устремлены вниз – к голове коня. В композициях из татуировки в материалах пазырыкского кургана № 2, присутствуют два синкретических существа: клювастый олень с хвостом кошачьего хищника, длинными прядями гривы (?), свисающими по шее, и клювастый горный козел с большими листовидными ушами, зачехленным (?) хвостом, завершающимся стилизованным изображением головы орлиного грифона, гривой [Руденко, 1952, рис.122]. Копытные в обоих случаях изображены с вывернутыми на 180° крупами и рогами, отrostки и бугорки годовых колец которых декорированы стилизованными изображениями

грифовых головок. Орнитоморфные персонажи изображены друг за другом. На верхней линии рога горного козла они направлены к голове, на нижней – к окончанию рога, за исключением первой фигурки, обращенной к голове козла. Существа, венчающие пряди гривы, направлены к голове. Передние отростки на роге оленя направлены навстречу отросткам основной ветви. Причем данный рог трактован таким образом, что в его облике одновременно присутствуют признаки рогов, присущие и оленю, и горному козлу. Интересен еще один содержательный элемент этого рога – в его основании обозначен слегка изогнутый отросток (?), завершающийся грифовой головкой, обращенной к клювастой голове, и следующий за фигурками идентичных себе существ, помещенных на этой же поверхности. Рассмотрение данных образов ставит вопрос – кого изображают эти синкретические существа. В качестве рабочей гипотезы предложим вариант прочтения данных изображений как иллюстрацию возможного воплощения коня в синкретический образ, которому предстоит сложное, полное трудностей, путешествие на небесные пастбища. Ношение изображений такого содержания на теле человека при жизни позволяет высказать предположение о том, что данные образы могли использоваться в обрядовых действиях, возможно, связанных с циклом ритуалов переходного характера.

Вернемся к предмету из кургана № 10. В облике сфинкса переплетены признаки человека, кошачьего хищника – барса (?), горного козла, птицы (рис.11, 4). Все эти животные в конечном итоге трансформируют облик коня в синкретическое животное, наделяя его качествами, присущими каждому названному персонажу.

Рассматривая облик сфинкса, невольно возникает вариант сравнения: если антропоморфные черты присутствуют в декоре предмета, предназначавшегося для коня, не могло ли произойти обратное, например, включение в облик человека элементов звериных признаков. Попытаемся немного иначе взглянуть на женский головной убор из Пятого Пазырыкского кургана, которому в числе избранных памятников имеется аналогия –

элемент, использованный в декоре пряжки со сценой “Отдых под деревом”. Верхняя часть головного убора содержит два патрона, использовавшихся, по мнению М.П. Грязнова и С.И. Руденко, для продевания кос его обладательницы. Изучение сюжетов и образов изобразительных памятников в материалах могильника Берел, позволяет предложить другой вариант использования данных отверстий, возможно, они предназначались для вставления рогов (?).

Особую категорию находок с вымышленными персонажами представляют собой седла. На седельных покрытиях, выполненных из войлока ярких цветовых оттенков, присутствуют фантастические образы. Они переключаются по стилю исполнения с зооморфными изображениями, выполненными в дереве, металле, но, тем не менее, в таком мягком, уютном на ощупь, материале как войлок, они особенно выразительны. Седла из кургана № 10 содержат сложные миксобразы: андрокефалы, орлиные грифоны со звериными чертами, фантастические существа, отдаленно напоминающие изображения петушков. В декоре седельных покрытий использован образ крылатого фантастического животного. Изображенные персонажи организованы в вереницы, окаймляющие контур седельных покрытий, одновременно как бы замыкая пространство вокруг всадника.

Миксантропоморфный образ, помещенный на одном из седел, отдаленно напоминает изображение сфинкса из пазырыкского кургана № 5, запечатленного на ковре (рис. 11, 1). Однако, берельский экземпляр более сдержан в трактовке содержательных элементов, тогда как андрокефал из Пазырыка выглядит вычурно. Приведем описание этого персонажа. Рогатое, крылатое существо с оскаленным (?) человеческим лицом и звериным туловищем показано в профиль влево стоящим на двух задних лапах. Передние, трехпалые лапы подняты, находятся на уровне лица. У него показан вторичный признак пола – усы, завершающиеся едва намеченным завитком. У существа четко проработаны особенности прически (головного убора? парика?), в исполнении которой прослеживается система из более мелких компонентов жгутов (косичек?),

собранных на затылке в жгут. Ото лба вверх и вперед из тоненького, аналогичного тем, какие уходят назад, жгутов (?) выполнен хохолок. На голове возвышается рог, его передний конец закручен вверх и вниз, так же как и хохолок. На роге 4 отростка, 2 из которых выполнены в виде стилизованных головок орлиноголовых грифонов. Глаза со зрачками, заужены, веки не проработаны. Над глазами дуга брови. Нос большой, ноздря показана в виде завитка. Длинное ухо листовидное, с завитком в основании. Внутри зигзагообразной линией обозначен волос. Туловище поджарое, гибкое, показана тонкая талия. Фактура шерсти передана в виде знаков – четырехлепестковых розеток, заключенных в круг, равномерно распределенных по поверхности тела от плеча до сустава на задней конечности. Животное крепко стоит на мощных, задних, трехпалых лапах. Морфологически лапы четко проработаны. На каждой показано по три выпущенных когтя. На правой ноге – они изображены вонзенными в горизонтальную поверхность. На каждой задней конечности переданы подушечки мягких лап. Окончания лап и передних и задних выделены как бы кантиком. Трактовка передних лап резко отличается от задних. Во-первых, тем, что лапы показаны стилизованно, во-вторых, они больше напоминают не выпущенные когти, а пальцы рук, в-третьих, они выделены не просто кантиком, но и отделены небольшим расстоянием. Огромное крыло, превышающее по размерам верхнюю часть туловища (от головы до пояса) существа в 1,5 раза, поднято вверх. Фактура крыла показана в виде семи вытянутых капель, к окончаниям которых примыкают длинные остроконечные, в половину их размера, отростки-выступы. Три из них упруго вытянуты вверх, остальные четыре – плавно спускаются книзу, завершаясь завитками. Пространство каплевидных контуров заполнено чешуйчатым орнаментом, по 1, 2 или 3 чешуйки, в их расположении прослеживается определенная симметрия. Самая первая (от головы) каплевидная фигура орнаментом не заполнена. У существа длинный, пластичный хвост, пропущен между ног и соприкасается с брюхом. Передача фактуры хвоста переключается с изображением

крыла. Окончание хвоста оформлено в виде трех отростков, трактованных стилизованно. Каждый отросток имеет окончание, больше всего напоминающее кисточку и по одному завитку, в витиеватых контурах которых распознаются сильно стилизованные изображения орлиноголовых грифонов. Окрас хвоста, очевидно, передан комбинированно. Сначала идет три пламевидных (?) язычка, затем один каплевидный контур, далее три каплевидных фигуры показаны выпукло, в виде отростков. S-видный контур хвоста гармонирует с таким же контуром туловища. В целом, в трактовке содержательных элементов этого синкретического анималистического существа наблюдается симметричность.

Описанное существо показано в динамике, в состоянии готовности к поединку (?). Его воинственный, агрессивный настрой передают оскал лица, поза, упругость туловища, крыльев и хвоста, выпущенные когти, поднятые перед собой вверх руки-лапы. Возможно, судя по окрасу туловища и хвоста, этот персонаж сочетает признаки и барса – круглые точки на туловище, и тигра – пламевидные элементы на хвосте, и льва – окончание хвоста в виде кисточки. Солярную сущность кошачьего подчеркивают четырех-лепестковые розетки, семиотическое значение которых в этом плане сохраняется в культуре многих народов. Содержательные признаки персонажа содержат элементы травоядных животных. Так, манера изображения уха, соответствует тому, как трактованы уши у лосей, оленей. Рога животного более всего напоминают лосиные.

Стилизованные изображения крыла и хвоста обозначают элементы, скорее всего, несуществующих, выдуманных персонажей. Различие в трактовке лап, ярко выраженные кантики, отделяющие конечности от тела, возможно, косвенно свидетельствуют о том, что человек облачен в костюм, изображающий фантастического зверя. Богоизбранность, исключительность изображенного подчеркивают солярные знаки. Также далеко не случайно многократное использование признаков кошачьих хищников. В исследовании А.К. Акишева на примере изучения 126 изображений животных с сущностью кошачьего (тигры, ти-

грогрифоны, львы, пантеры), вовлеченных в парадное погребальное убранство – костюм иссыкского воина, убедительно доказана космогоничность этого образа. Вспомним героизированные образы “витязей в тигровых шкурах” [Акишев, 1984, с.48].

Уместно привести некоторые аналогии – так в маске коня, составляющей парадное убранство коня в пазырыкском кургане, изображена распластанная шкура барса. Окрас данного животного четко выражен. Из изложенного выше следует, что ритуальное изменение облика человека и сопогребаемых с ним коней было распространенным явлением в религиозно-мифологической практике народов сакского времени.

Рассмотрим другие изображения седельных покрытий. Образ петуха в скрытом виде прослеживается в изображениях на двух седлах, выделяясь в одном случае манерой изображения хвоста и крыла, во втором – трактовкой когтей. Семиотическое значение этой птицы рассматривалось в разработках по искусству пазырыкской культуры, где она была особенно популярной.

Например, в контексте исследования золотых фигурок пяти птиц и четырех крыльев орла – компонентов сложного головного убора из кургана Иссык, А.К. Акишев приводит интересные данные об образе петуха. В частности, он отмечает, что на огромной территории “от Европы до Китая – с глубокой древности до наших дней – это защитник от всякой нечисти, зла, хаоса...” [Акишев, 1984, с.41-42]. Представительная серия находок с изображениями петушков происходит из курганов с мерзлотой Алтая, где они включены в декор одежды, парадного конского убранства и, что особенно примечательно, присутствуют в татуировке, что стало известным благодаря новейшим исследованиям мумий из пазырыкских курганов. Так, на руках мужчины и женщины из курганов №№ 2 и 5 могильника Пазырык содержатся орнитоморфные изображения, напоминающие петушков [Баркова, Панкова, 2005]. Еще один комплекс с элементами костюма в виде фигурок петушков введен в научный оборот В.Д. Кубаревым и П.И. Шульгой. Предметы в виде петушков были обнаружены во время раскопок курга-

на № 3 могильника Балык-Соок-1, изготовлены из бронзы и покрыты жёлтой фольгой, относятся к элементам парадного конского снаряжения. Авторы раскопок полагают, что такие предметы были редкостью в числе элитных погребений алтайского региона [Кубарев, Шульга, 2007, с.128].

Вернемся к рассмотрению декора покрытия еще одного из описанных выше седел из кургана № 10 могильника Берел. Здесь мы видим присутствие двух орнитоморфных образов в одном существе. При этом второй персонаж, как бы вырастает из крыла первого и представлен в сильно стилизованной манере. Оба существа показаны противопоставленными.

Рассматривая седла из кургана № 10, отметим, что на покрытиях в двух случаях фон желтый, а сами фигуры персонажей выполнены из комбинации синего и красного; в одном случае фон красный, а фигуры животных исполнены из желтого войлока. Однако, цветовые предпочтения в подборе оттенков имеют один спектр: красный, желтый, синий.

В материалах берельского кургана № 10 содержится изображение, заслуживающее тщательного рассмотрения – это так называемый обобщенный образ хищника, помещенный на рукояти плети. На одной из граней присутствует ощерившийся кошачий. Обычно в состоянии агрессии, в пользу которой свидетельствуют такие признаки, как оскаленная, морщинистая пасть, сведенные на переносье брови, показаны кошачьи. Трактованные подобным образом признаки с элементами антропоморфизма прослеживаются на нескольких предметах из кургана № 11 могильника Берел, кроме того, имеются они и в Семиречье. Подробно этот образ проанализирован в работах Л.Н. Ермоленко, основываясь на представительной серии изображений из центрально-азиатского региона, исследовательница приходит к выводу о том, что эмоциональное состояние, характеризующее, сведенными на переносье бровями, в изобразительной традиции сопоставляется с “иконографией гнева” [Ермоленко, 2006, с.21]. Кроме того, имеющиеся в коллекции кургана № 11 Береля предметы с изображениями так называемых улыбающихся коша-

чих хищников, также находят точки соприкосновения с результатами исследований Л.Н. Ермоленко в контексте изучения вопроса, связанного с мотивом эпической ярости, изобразительно проявляющейся в улыбке, смехе персонажей. Подобное проявление вышеназванного эмоционального состояния характеризуется как составляющая феномена эпической воинской ярости [Ермоленко, 2006, с.17]. Присутствие же таких содержательных признаков на предметах вооружения (плеть), конского убранства (бляхи) предполагает визуальный контакт реципиента с изображением, в результате которого возникают соответствующие проявления, выражаемые в ответной реакции “зрителя”, вдохновляющей на подвиг. В условиях военизированного общества, равно как и при отправлении культов, связанных с обрядами переходного цикла, где также предполагается преодоление сложного, полного трудностей пути, необходимость в подобном эффекте от изображений была велика.

В исследованиях Е.Д. Турсунова, посвященных анализу тюрко-монгольской эпической традиции, ярко охарактеризован идеал степного рыцаря. Военный быт средневекового, насыщенного событиями времени, служил источником для вдохновения поэтов: “Отсюда насыщенность средневековой поэзии горячим дыханием жизни, энергией, хлещущей через край, топотом и диким ржанием боевых коней, звоном клинков, опьянением битвой, радостью победы. Ведь достойный – это тот, кто окажется в битве первым: такими рисовали предков предания, легенды, такими они представляли в сознании потомков” [Турсунов, 2001, с.41]. Кроме того, Е.Д. Турсуновым указывается на тот факт, что героический эпос был неотъемлемым атрибутом обрядов военной магии и использовался для того, чтобы героизированные предки, упоминаемые в произведении, способствовали победе своих потомков в сражении [Турсунов, 2001, с.112].

Информативность материала берельских курганов позволяет подробнее рассмотреть предметы конского снаряжения. Убранство каждого верхового коня состоит из узды, седла, ремней оголовья, нагрудных и подхвостных. Поскольку облик коней преобразался в

новый персонаж, то снаряжение дополнялось масками, чехольчиками для челок (начальниками), грив (нагривниками) и хвостов (нахвостники). Ремни декорировались бляхами, различными по параметрам и насыщенности теми или иными образами, композициями, сюжетами, орнаментальными мотивами.

Ремни оголовья декорированы бляхами таким образом, что изображения с правой и левой сторон головы коня направлены вперед – друг к другу, в целом, изначально вереницы, стыкуясь в центре, образуют композицию, характеризующуюся, как противопоставление. Следует, что система ремней оголовья организована по определенному принципу, в котором, возможно, прослеживается своеобразный семиотический ряд.

Анализируя такой компонент погребального комплекса как захоронение коней, невозможно обойти вниманием присутствие образа лошади в изобразительных памятниках древних кочевников. Упомянем, что в материалах предшествующей эпохи известны изображения, выполненные в так называемом “сейминском” стиле. С территории Восточного Казахстана происходит несколько таких изображений, запечатленных не только в произведениях монументального характера – в петроглифах, но и в предметах мелкой пластики. Это случайные находки бронзового кинжала с навершием в виде фигурки коня и каменный жезл в виде протомы лошади [Самашев, Джумабекова, 1993]. На территории сопредельного региона выявлены серьги с изображением миниатюрных фигурок лошадей, аналогичных найденным на могильнике Мыншункыр в Жетысу (Семиречье).

Образ коня – популярный сюжет в изобразительной традиции древних кочевников Евразии. Среди многочисленных изображений этого животного имеются такие, где мы видим оседланного коня, например, известные фигурки лучников из Жетысу [Самашев, Григорьев, Джумабекова, 2005, с.75], сцена с изображением возвращения процессии воинов-всадников из похода в Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, с.29, рис.29], еще одно изображение коня с ремнями оголовья на одном культовом атрибуте из серии культовых бронз Жетысу [Самашев,

Григорьев, Джумабекова, 2005, с.76].

Представительная серия с изображениями лошадей проанализирована Е.Ф. Корольковой [Королькова, 2006, с.184-185]. Большая часть изображений – это кони с подогнутыми под брюхо ногами, происходящие в основном из памятников Центральной Азии.

В контексте исследования снаряжения интересна еще одна находка из числа предметов сибирской коллекции Петра I – это бляха с многофигурной композицией, известная в науке под названием “Отдых под деревом”. Расшифровка смыслового содержания данного изобразительного текста рассматривалась в работе М.П. Грязнова, предложившего видеть в нем иллюстрацию героического эпического произведения [Грязнов, 1961]. Альтернативный вариант прочтения и, как нам кажется, вполне обоснованный, находим в исследовании Ю.А. Мотова, по мнению которого, изображение отражает “текст” погребального обряда пазырыкцев, реконструируемый на основе находок из Пятого Пазырыкского кургана [Мотов, 1999].

Возвращаясь к исследованию образа коня в изобразительном искусстве исследуемого периода, отметим, что это тема заслуживает специального научного рассмотрения [Савинов, 2000].

Необычный обряд погребения зафиксирован в кургане № 34 берельского археологического комплекса, иллюстрацией какого ритуала или отражением какого мифа (?) является данный памятник [Продолжение исследований..., 2002]. Парное погребение мужчины (?) и женщины (?) сопровождалось захоронением двух коней, у передних ног первого коня были уложены отчлененные (?) головы людей, похороненных в этом кургане. В связи с этим привлекательна бляха, декорировавшая мужской головной убор погребенного в кургане № 4 Уландрыка-III [Кубарев, 1987, с.263, табл.LXII, 12]. Зооморфный декор предмета представляет собой трехмерную фигурку оленя с барельефным туловищем и скульптурной головой, усиленную изображениями головы горного барана на крупе и травоядного, помещенного на лопатке, в ногах которого на планке размещено изображение личины. Из сопроводительного вещевого комплекса берельско-

го кургана № 34 выделяются 2 керамических кувшиновидных сосуда, очень похожих друг на друга, отличающихся лишь проработкой – один более аккуратный, округлый, симметричный, второй – немного выше и выполнен несколько грубовато (рис.12, 1-2).

Сохранность находок в берельских курганах, представляющих собой изделия из дерева, войлока, кожи позволяет проводить их изучение на этнографическом уровне. Комплекс полученных предметов позволяет наглядно представить хозяйственный уклад и занятия древних жителей Казахского Алтая. Сопогребение с человеком большого количества верховых коней, в ритуальном убранстве, безусловно, свидетельствует о его высоком социальном статусе.

Археологический контекст курганов с мерзлотой позволяет провести работу по реконструкции снаряжения коней. В силу трудностей, возникающих при изучении материала, эта работа требует большого количества времени. Консервация одного предмета длится порой от нескольких месяцев до нескольких лет. Отправной точкой такой работы является составление подробного описания предметов, без которого увидеть стилистические особенности каждого предмета невозможно.

Междисциплинарные исследования предметов художественное резьбы, проведенные трасологом В.П. Мыльниковым, свидетельствуют о том, что на Береле, видимо, существовала своя школа резчиков по дереву, которые передавали свой опыт из поколения в поколение. Каждый предмет, изготовленный из мягкого материала – из дерева или рога, индивидуален, так как, несмотря на шаблоны, вырезался каждый раз заново. Иногда обнаруживаются какие-то неточности в разметке или в асимметричности парных изображений, но стиль исполнения выдерживался. Древние художники были прекрасными знатоками фауны, реалистично исполняя образы оленей, лосей, горных баранов и козлов, птиц, кошачьих хищников. Наиболее популярным образом древних кочевников Берельской степи был синкретический персонаж, изображения которого встречены на многих функционально значимых предметах, выполненных из местных пород дерева – кедра и лиственницы.

Образы реально существующих животных, запечатленных на предметах художественной культуры, знаками зооморфного кода отражают особенности хозяйственно-культурного типа древнего населения региона, практиковавшего наряду со скотоводством охоту, являвшуюся неотъемлемой частью экономики.

Образы вымышленных, полиморфных, синкретических животных отражали особенности мировоззрения древнего населения.

Один комплект коня в среднем состоит из 20 предметов. Если на изготовление одной пары псалиев затрачивалось примерно 8 часов чистого времени, то на создание небольшого комплекта затрачивалось около 60 часов рабочего времени [Самашев, Мыльников, 2004, с.215].

Территория Алтая никогда не была изолирована, постоянно шел обмен с племенами соседних территорий, военные походы (военная добыча), пути перекочевок, предопределяли сонм изображаемых животных. Перенимались технологии, изменялись элементы одежды, но идеология, религиозные, мифологические представления не могли перениматься с легкостью.

Материалы берельских курганов позволяют реконструировать облик конского снаряжения племен, населявших регион в IV-III вв. до н.э.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволят обобщить данные междисциплинарных исследований и провести данную работу на более качественном уровне. В том числе используя современные разработки, существующие в методологии функционально-семиотического подхода к анализу археологических источников.

Опыт первичной реконструкции, выполненной на материале кургана № 10, свидетельствует о тщательном подборе анималистических образов при создании комплектов парадного конского снаряжения. Используемые персонажи логично выстраиваются в изобразительные тексты, гармонично сочетаясь с наборами коней, расположенных рядом.

Снаряжение, в декоре которого присутствует анимализм, позволяет обозначить

образы исследуемых коней термином “конегрифон”. Этим термином именуется изображение коней, дополненные признаками других животных, как реально существующих – олень, лось, горный баран, кошачий хищник, так и фантастических – персонажей, обитавших только в мифологических представлениях.

Произведения искусства, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля, представляют собой истинные шедевры творчества древних кочевников, в которых посредством сложной системы из знаков антропо-, зоо-, фито-, ихтио-, полиморфного кода отражались представления о мироздании.

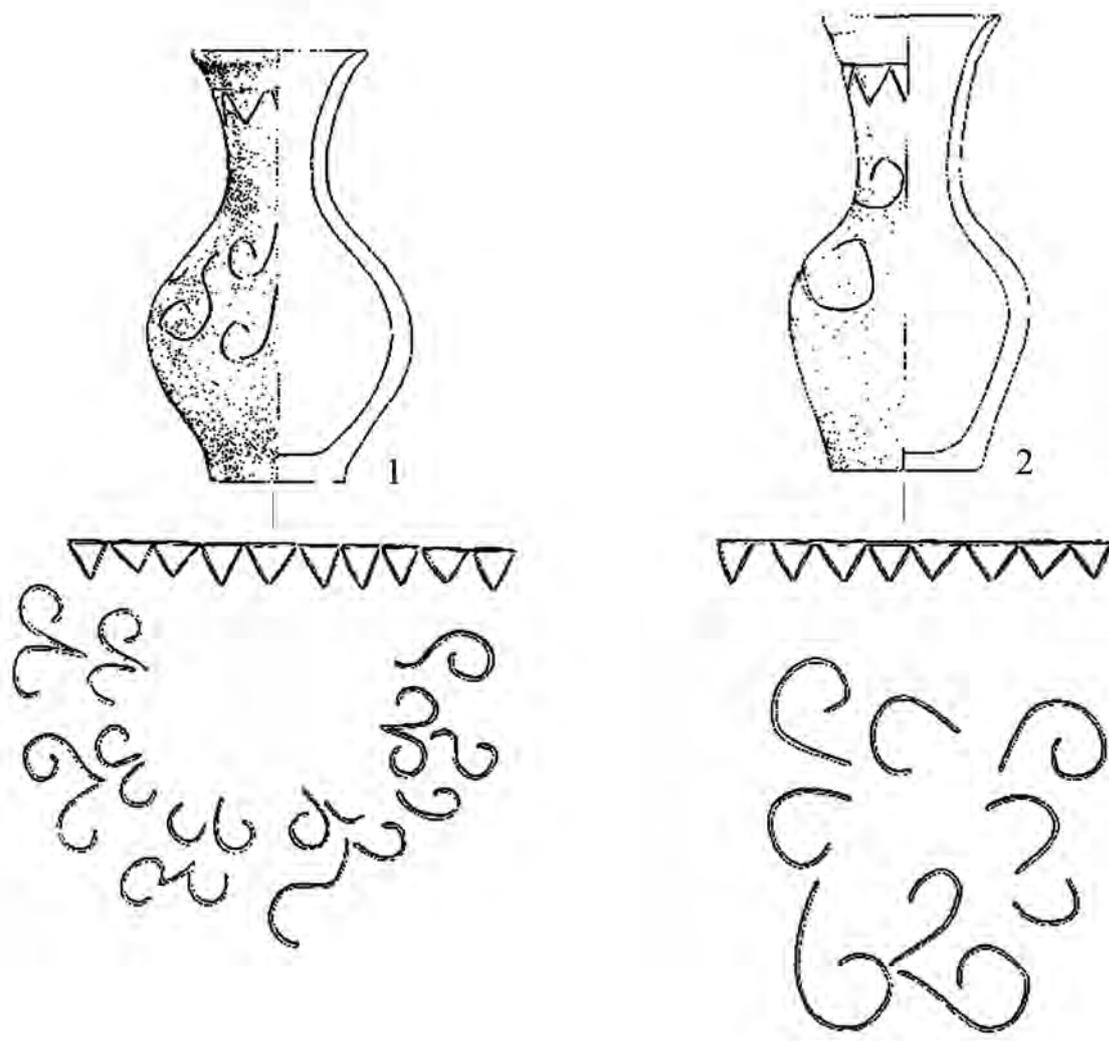

Рис. 12. Могильник Берел, курган № 34. Керамические сосуды.

Fig. 12. The burial ground “Berel”, the barrow No. 34. Ceramic vessels.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, 1984:* Акишев А.К. Искусство и мифология саков / А.К. Акишев. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.
- Баркова, Панкова, 2005:* Баркова Л.Л. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) / Л.Л. Баркова, С.В. Панкова // АЭАЕ. – 2005. – № 2 (22). – С.48-59.
- Беленицкий, 1978:* Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье / А.М. Беленицкий // КСИА. – М., 1978. – № 154. – С.31-39.
- Горбунов, Самашев, Северский, 2005:* Горбунов А.П. Сокровища мёрзлых курганов Казахского Алтая (по материалам могильника Берел) / А.П. Горбунов, З. Самашев, Э.В. Северский. – Алматы: ТОО “Иль-тех-кітап”, 2005. – 114 с.
- Грязнов, 1950:* Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. / М.П. Грязнов. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. – 90 с.
- Грязнов, 1961:* Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири / Грязнов М.П. // АСГЭ. – 1961. – № 3. – С.7-31.
- Ермоленко, 2006:* Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии): автореф. ... докт. ист. наук: 07.00.06. / Л.Н. Ермоленко. – Кемерово: КемГУ, 2006. – 36 с.
- Ермоленко, 2008:* Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. / Л.Н. Ермоленко. – Томск: ТГПУ, 2008. – 288 с.
- Королькова, 2006:* Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (7-4 вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. / Е.Ф. Королькова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 272 с.
- Кубарев, 1987:* Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301с.
- Кубарев, Шульга, 2007:* Кубарев В.Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 282 с.
- Мотов, 1999:* Мотов Ю.А. К интерпретации изображений на парных пластинах из “Сибирской коллекции Петра 1” / Ю.А. Мотов // РА. – 1999. – № 3. – С.141-148.
- Переводчикова, 1994:* Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. / Е.В. Переводчикова. – М.: Восточная литература, 1994. – 206 с.
- Полидович, 2006:* Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии / Ю.Б. Полидович. – Донецк, 2006. – Т.3. – С.355-398.
- Полосьмак, 2001:* Полосьмак Н.В. Всадники Укока / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко, 1952:* Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы / С.И. Руденко. – М.-Л.: АН СССР, 1952. – 266 с.
- Руденко, 1960:* Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.-Л.: Наука, 1960. – 359 с.
- Руденко, 1962:* Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / С.И. Руденко // САИ. – 1962. – Вып.Д 3-9. – 203 с.
- Савинов, 2000:* Савинов Д.Г. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция / Д.Г. Савинов // Исторический ежегодник. Спец. выпуск. – Омск, 2000. – С.179-187.
- Самашев, Жумабекова, 1993:* Самашев З. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана / З. Самашев, Г.С. Жумабекова // Изв. НАН РК. Сер. обществ.

- наук. – Алматы, 1993. – № 5 (191). – С.23-33.
- Самашев, Ольховский, Омаров, 1997:* Самашев З.С. К изучению торевтики кочевников Евразии 1 тыс. до н.э. (“оленья” бляшка из Семиречья) / З.С. Самашев, В.С. Ольховский, Г.К. Омаров // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность.– Алматы, 1997. – № 3. – С.98-106.
- Продолжение исследований..., 2002:* Продолжение исследований на могильнике Берел / З. Самашев, А.Т. Толеубаев, А. Исин, Г. Жумабекова, Г. Базарбаева, Г. Омаров, А. Онгар, Г. Киясбек, Е. Атагелдиев, Н. Жетписбай, У. Умиткалиев // Археологические исследования в Казахстане: труды научно-практической конференции “Маргулановские чтения – 14”. – Шымкент-Алматы, 2002. – С.132-139.
- Самашев, Мыльников, 2004:* Самашев З. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел) / З. Самашев, В. Мыльников. – Алматы: Общественный фонд “Берел”, 2004. – 312 с.
- Самашев, Григорьев, Джумабекова, 2005:* Самашев З. Древности Алматы / З. Самашев, Ф. Григорьев, Г. Джумабекова. – Алматы, 2005. – 184 с.
- Некоторые итоги работ, 2006:* Некоторые итоги работ на некрополе Берел / З. Самашев, Г. Джумабекова, Г. Базарбаева, А. Чотбаев, А. Онгар, Г. Киясбек, Е. Толегенов // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2006. – Вып.2. – С.168-174.
- Турсунов, 2001:* Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление / Е.Д. Турсунов – Алматы: Дайк-Пресс. – 2001. – 172 с.
- Черемисин, 2006:* Черемисин Д.В. О языке искусства звериного стиля в пазырыкских погребальных комплексах / Д.В. Черемисин // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2006. – Т.3. – С.325-354.
- Черников, 1947:* Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша / С.С. Черников // СА. – 1947. – № 9. – С.251-282.

Samashev Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A.

Caparison of the ancient breeders of Altai: reconstruction experience (based on materials of No. 10 Berel burial grounds)

In the article some research results of the burial grounds of Berel barrow No.10 concerning the caparison are summarised.

Materials of Berel barrows allow to reconstruct shape of caparison of the tribes occupying region in 4-3 centuries BC.

Separate elements of caparison from a barrow are described in details, reconstruction of each animal caparison is offered. The general characteristic of a funeral is given. The new image of each horse received as a result of fulfillment of a cycle obsequies, system of caparison elements arrangement, zoo- and other images.

Unique informational contents of the material of Berel barrows allow to consider caparison in details. The caparison consists of a bridle, a saddle, head belts, breast and tail belts. As the shape of horses changed into new characters the caparison was supplemented with masks, bang covers, manes and tails. Belts were decorated by metal plates, various on parametres and a saturation in those or other images, compositions, plots and ornamental motives.

Head belts are decorated by metal plates in such a manner that images from the right and left parties of a head of a horse are directed forwards each other and as a whole, initially chains, being joined in the centre, form a composition characterized as opposition. Following that it is possible to say that the system of head belts is organized by a certain principle in which, probably, an original semiotics number is traced.

Results of the primary reconstruction executed on barrow No. 10 material testify a careful selection of

animalistic images while creating complete sets of smart caparison. Used characters are logically built in graphic texts, harmoniously being combined with sets of horses nearby.

Keywords: *animal style, horse equipment, Pazyryk culture, barrow, images of animals, arrangement system, primary reconstruction, Berel.*

Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаєєва Г.А.

Кінське спорядження стародавніх скотарів Алтаю: досвід реконструкції (за матеріалами кургану № 10 могильнику Берел)

У статті резюмуються деякі результати дослідження кургану № 10 могильника Берел, що стосуються кінського спорядження і вбрання.

Матеріали берельських курганів дозволяють реконструювати вигляд кінського спорядження племен, що населяли регіон у IV-III ст. до н.е.

Детально описуються окремі елементи вбрання коней з кургану, пропонується реконструкція спорядження кожної тварини. Подається загальна характеристика поховального і предметного комплексу. Виявляється новий образ кожного коня, отриманий в результаті здійснення циклу поховально-поминальних обрядів, система розташування елементів убрання, зоо- та інших образів.

Унікальна інформативність матеріалу курганів Береля дозволяє досить детально розглянути предмети кінського спорядження. Убрання кожного верхового коня складається з вузди, сідла, ременів наголів'я, нагрудних і підхвісних ременів. Спорядження доповнювалося масками, чохольчиками для чубків (начільниками), грив (нагривниками) і хвостів (нахвісники), завдяки чому коні за виглядом перетворювалися на новий персонаж. Ремені декорувалися бляхами, різними за параметрами і насиченістю, тими чи іншими образами, композиціями, сюжетами, орнаментальними мотивами.

Ремені наголів'я декоровано бляхами таким чином, що зображення з правої та лівої сторін голови коня спрямовано уперед – один до одного, загалом, вервечки тварин, стикуючись у центрі, утворюють композицію, що характеризується, як протиставлення. Вірогідно, що систему ременів наголів'я організовано за певним принципом, в якому, можливо, простежується своєрідний семіотичний ряд.

Досвід первинної реконструкції, виконаної на матеріалі берельського кургану № 10, свідчить про ретельний підбір анімалістичних образів при створенні комплектів парадного кінського спорядження. Персонажі, які використано у оздобленні вбрання одного коня, логічно поєднуються в образотворчі тексти та гармонійно сполучаються з наборами коней, розташованих поруч.

Ключові слова: *звіриний стиль, кінське спорядження, пазирікська культура, курган, образи тварин, система розташування, первинна реконструкція, Берел.*